

რუსული კლუბი

№2
Февраль 2025

РУССКИЙ КЛУБ

135

ФЕВРАЛЬ В ТБИЛИСИ
Фото: Гога ЧАНАДИРИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽²³²⁾
Февраль 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 8 «ЛЮБЛЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ИГРУ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 20 «ТЫ СУПЕР!»: КАК СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ
ХАННА ПЕНМАН
- 25 ТБИЛИСИ – ДОМ НАШ НЕБЕСНЫЙ
МАНАНА ГЕДЕВАНИШВИЛИ
- 32 «ИМЕННО СЕЙЧАС ПРИШЛО МОЕ ВРЕМЯ»
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 36 ПАРАДЖАНОВ – КОНСТАНТА ВЕЧНАЯ И БЕСКОНЕЧНАЯ
ЕКАТЕРИНА МИНАСЯН
- 40 БЕСЫ
НОДАР ДУМБАДЗЕ
- 43 МЕСТО ВСТРЕЧИ – ЛОНДОН
- 44 КИРИЛЛ ЗДАНЕВИЧ
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ
- 48 АРЧИЛ СУЛАКАУРИ
КАМИЛЛА МАРИАМ КОРИНТЭЛИ
- 49 ТБИЛИССКАЯ ЗИМА 42-ГО ГОДА
КОТЭ МАХАРАДЗЕ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – БОРИС ПАСТЕРНАК. 1956
Фото: А. Лесс

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ТАЙНА СТАРИННОГО МАСТЕРА

Когда говорят «скрипка Страдивари», это часто означает самое высокое качество чего бы то ни было, какого-то изделия, сделанного с невероятной большим мастерством. И свойство того, что сделано, имеет высочайшее, а подчас необъяснимо таинственное качество. В XVII веке начался рассвет появления современных музыкальных инструментов. Многие мастера начали изготавливать уникальные музыкальные инструменты. До этого времени струнные смычковые музыкальные инструменты эпохи барокко были довольно примитивными и имели причудливые названия – виоль д'амур, виола да-гамба и так далее. И начиная с конца XVII века известные ныне традиционные скрипки, виолончели, альты и контрабасы приобрели именно тот вид, к которому мы привыкли. То есть их изобрели в окончательном виде в этом веке. А самые знаменитые мастера жили в Италии в небольшом городе Кремона. Этот итальянский город славился гениальными умельцами, изготавливающими струнные смычковые музыкальные инструменты. Самые выдающиеся мастера были из семьи

Амати. Но в их мастерских работали и другие работники, многие из которых сами стали знаменитыми мастерами. И самым знаменитым из них был великий Антонио Страдивари. Он родился или в конце 1644, или в самом начале 1645 года. Мы не знаем точного дня его рождения. Известно, что он в 13 лет поступил бесплатным учеником к Николо Амату, то есть выполнял самую черновую работу «за учение». Но уже в 22 года он женился и создал свою мастерскую. С этого момента он перестал называть себя учеником Амати, но еще два десятка лет изготавливал скрипки их типа. Пока не разработал свою неповторимую конструкцию, и его скрипки зазвучали не сопрано, как у Амати, а меццо-сопрано. Но только к 60 годам Страдивари окончательно сконструировал свою скрипку, которую по совершенству никто еще не смог превзойти. Всего считается, что мастер Антонио за жизнь, а прожил он очень долго, изготовил более 1100 инструментов. До нашего времени дошло примерно 650. В основном это скрипки, но делал Страдивари и виолончели с альтами и даже гитары. На свои изделия он наносил клеймо – инициалы A.S. и мальтийский крест, помещенные в двойной круг. Конечно, его скрипки многие пытались подделывать, но ничего не получалось. Дело в том, что никому не удается раскрыть тайну невероятной чистоты и мощи звука его скрипок. И никаким новейшим технологиям не удалось достичь их совершенства. Триста лет ведутся споры о секрете лака скрипок Страдивари. Выдвигают и фантастические версии. Некоторые считают, что Страдивари владел неким магическим секретом лака, который мастеру открыл один алхимик-аптекарь. А мастер Антонио еще и усовершенствовал рецепт, добавив в лак... крылышки насекомых и пыль с пола собственной мастерской. Вот так! Его скрипки до сих пор радуют нас своим прекрасным звучанием в руках современных выдающихся скрипачей.

ОРГАН ХАММОНДА

Еще о музыкальных инструментах. Эти изысканные и причудливо изготовленные приспособления для исполнения музыки подчас очень хрупкие и требуют особого к себе отношения. Их очень трудно перевозить, но есть специальные футляры и бережное отношения людей. Но есть такие инструменты, которые категорически не подлежат перевозке. Представьте себе огромный многотрубный орган, который устанавливался в храмах или в концертных залах. Орган – это устройство высотой с двух-трех этажный дом. «Не поднять орган по Нилу

на плотях», как сказано в стихотворении известного английского поэта, певца британского колониализма Редьярда Киплинга. Действительно, орган перевозить очень непросто, разве что в разобранном виде. Но был на свете человек, который решил эту проблему. Его звали Лоуренс Хаммонд, родившийся зимой 1895 года – это был выдающийся американский изобретатель. За свою долгую жизнь он получил более 80 патентов. Но в историю вошел благодаря изобретению органа Хаммонда. В начале тридцатых годов прошлого века он создал самый лучший генератор музыкального звука того времени и назвал его «tonewheel generator». А в 1933 году Хаммонд купил подержанный рояль, выломал из него все струны и прочие внутренности и сохранил от него только клавиатуру, которая стала контроллером извлечения звука. А попросту, каждая клавиша стала кнопкой, запускавшей определенный звук. Его друг – органист-любитель, по воскресеньям игравший на органе в церкви, по фамилии Лейхи, стал его консультантом и ассистентом. В итоге, получился орган с двумя клавиатурами для рук и одной ножной. Так был запущен в производство вполне «портативный» орган, который охотно покупали любители домашнего музицирования и специальные учебные заведения, готовившие органистов.

У этого изобретения была счастливая судьба. Хаммонд подал заявку на патент 19 января 1934 года. И из-за жуткой безработицы в эпоху Великой депрессии, Патентное ведомство немедленно удовлетворило его заявку, чтобы создать новые рабочие места. А в 1940 году Хаммонд был награжден медалью Института Франклина. Дальнейшее развитие модельного ряда таких органов пошло по вполне понятному пути. С развитием электроники в орган стали добавлять различные эффекты – реверберацию, вибрато, хор, а также звуки различных инструментов, таких как пианино, клавесин, духовые, а также искались свои новые звуки.

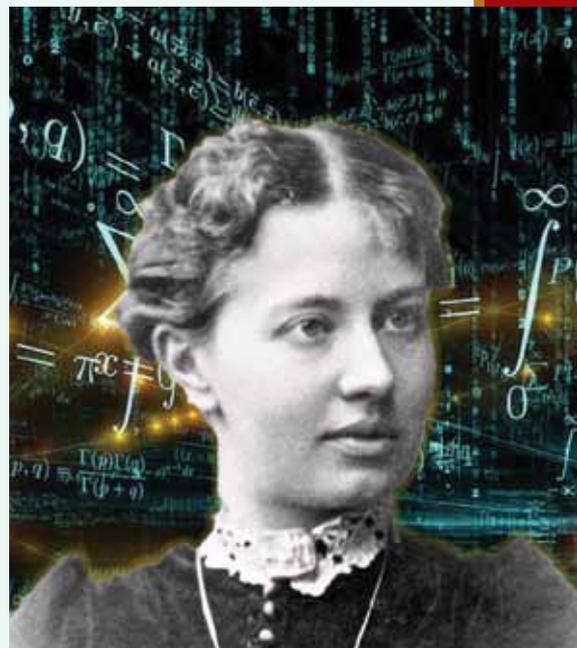
СОЗДАТЕЛЬ ГЕНИАЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ

От природы он был мрачен, малоразговорчив и нелюдим. А еще своим хмурым видом часто смущал людей. Его даже считали мизантропом, тем более, что он, очевидно, эпатируя публику, говорил: «Я злой и не люблю людей: скучные они, ужас до чего скучные». В это не очень верится, если взглянуть на его светлые и нежные «Девочку с персиками», «Портрет Мики Морозова» и «Девушку в солнечном свете». Наверное, мрачность была его защитной реакцией, попыткой огородить личное пространство. Звали его Валентин Александрович Серов. И родился он в Санкт-Петербурге зимой 1865 года. Если официально, то в энциклопедиях и справочниках его называют выдающимся русским живописцем и рисовальщиком, одним из главных портретистов русского модерна конца 19 – начала 20 веков, да к тому же, академиком и действительным членом Императорской Академии художеств. А ведь прожил всего 46 лет! И многое успел, а сколько, увы, не успел... На роду ему была написана судьба музыканта. Его отец был известным композитором, чья музыка нравилась самому Рихарду Вагнеру. Да и Государь-император российский Александр II его почитал и даже назначил ежегодный пенсион в 1000 рублей. Правда, как и сам Валентин Серов, отец нашего героя прожил недолго, всего 51 год. А сын его, естественно, обучался музыке, благо его романтическая мать, дама с феминистическими наклонностями, вознамерилась из Вали сделать гения. После смерти отца она сперва увезла его в Европу, но вскорости занялась своими делами и вернула сына в Россию – направила Валентина в прогрессивную детскую коммуну под управлением своей

приятельницы. И тут-то выяснилось, что у мальчика природный дар рисовальщика. В итоге, мать решительно продолжила создание русского гения, отдав его на воспитание самому Илье Ефимовичу Репину, который опекал Валу годами, учил всему что умел, оберегал, возил на юг в Крым и на природу рисовать этюды. И с его подачи юный Серов поступил в Академию художеств. Как живописец Валентин Александрович состоялся рано, чуть старше двадцати лет. Его множественные портреты сделали его очень известным и востребованным. Работы хорошо раскупались, правда, платили поначалу не очень много. А работал он в разных стилях – и живопись, и графика, и книжные иллюстрации. У Серова появилось много интересных знакомых, заказывающих ему портреты свои и своих близких. Привечала его и императорская семья. Он написал немало их портретов. А особенно хорош портрет Николая Второго. Но не парадный, а задумчиво-лиричный, где видна мягкость человека, его интеллигентность и... нерешительность. Серов не терпел диктата. Когда ему принесли парадную фотографию монарха вместо сеанса позирования, он повернулся и ушел, сообщив, что, мол, так не договаривались. А окончательно Валентин Александрович перестал иметь дело с монархами, когда царица Александра Федоровна решила объяснить ему, как она желает, чтобы на полотне выглядел ее супруг. На что строптивый живописец протянул ей кисть и предложил дальше поработать самой. Николаю II пришлось извиняться, но Серов завершил ту работу и на новые уже не подписывался.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ С ПЕТРОВСКОГО БУЛЬВАРА

В старинном доме цехового Алексея Стрельцова, что в Москве на Петровском бульваре угол с 3-им Колобовским переулком, в семье царского генерала Василия Васильевича Корвин-Круковского зимой 1850 года родилась гениальная девочка. Ее назвали Софьей в честь какой-то родственницы. Семья была серьезная, дед Сони Ф. Ф. Шуберт был генералом от инфантерии и известным математиком, а прадед астрономом. В их доме часто бывали представители московской интеллигенции А. Фет, Д. Григорович, А. Станкевич, врач С. Боткин и многие другие. Девочке хорошо давались точные науки. Математикой она увлеклась рано. Вместо обоев в ее детской стены оклеили лекциями профессора Остроградского о дифференциальном и интегральном исчислении. И она стала изучать математический анализ. Поначалу в

доме к этому отнеслись хорошо, но с годами взрослые стали бояться, что Соня не сможет стать приличной юной дамой, а останется «синим чулком» и в итоге старой девой. Генерал все занятия наукой запретил. Но было поздно! Почувствовав силу, Софья заключила фиктивный брак с молодым биологом Владимиром Ковалевским, чтобы выйти из-под влияния отца. И уехала с ним в германский город Гейдельберг, где собралась изучать математику, благо там это было не запрещено. Но не тут-то было, в университет ее не взяли, как женщину, только разрешили слушать лекции. Софья стала заниматься с выдающимися математиками из тамошнего университета Лео Кенигсбергером и Карлом Вейерштрассом. Со временем гендерный конфликт удалось урегулировать, и Софья Ковалевская с блеском защитила докторскую диссертацию по теории дифференциальных уравнений. Слава о ее способностях и научных достижениях прогремела по всей Европе и даже дошла до России. Но преподавать на родине ей было не суждено – дискриминация женщин была в самом разгаре. Признать и гордиться можно, а преподавать и работать на кафедрах ни-ни. Пришлось искать работу в других странах. Ковалевская стала профессором в Стокгольмском университете. Кроме занятий наукой, она оказалась еще и талантливым писателем. Студенты ее обожали и любовно называли «профессор Соня». Эта блестящая женщина, гордость России, не нашедшая применения в родном Отечестве, к сожалению прожила очень короткую жизнь. Она умерла от воспаления легких в возрасте 41 года.

ДЕЛО НАШЕЙ ЧЕСТИ

■ Николай СВЕНТИЦКИЙ

Великий поэт, переводчик, прозаик, лауреат Нобелевской премии Борис Пастернак оставил огромный след в культуре Грузии – стране, которую он называл своей «второй родиной».

Значение его деятельности невозможно переоценить – поэт создал стихотворения о Грузии, которые вошли в сокровищницу мировой поэзии, блистательно перевел на русский язык произведения почти всех классиков грузинской поэзии, начиная от Николоза Бараташвили и заканчивая поэтами-современниками, и эти переводы по сегодняшний день так и остаются непревзойденными.

В годы сталинского террора, рискуя собственной свободой и жизнью, Б. Пастернак переводил стихи своих друзей – Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и других грузинских по-

Нина Табидзе, Борис Пастернак и Зинаида Пастернак. 24 октября 1958 г. Пастернак читает телеграмму о присуждении ему Нобелевской премии

этов, попавших в опалу, а также бесстрашно популяризировал их творчество в России. В одном из его писем мы читаем: «Параллельно с нарастающим моим убеждением в общем превосходстве Паоло и Тициана я встречаюсь с фактом их насильственного исключения из списков авторов, рекомендованных к распространению и обеспеченных официальной поддержкой. Я бы тут преуспел, если бы от них отказался. Тем живее будет моя верность им».

Переписка Бориса Пастернака с поэтами Грузии (и, прежде всего, с Тицианом Табидзе) – это уникальный образец эпистолярного жанра XX века. В письмах Пастернака Тициану, а затем, после его трагической гибели в 1937 году, в его переписке с Ниной и Нитой Табидзе, в полной мере отражается поразительный, не имеющий подобия в мировой культуре, феномен искренней и преданной дружбы двух поэтов, дружбы, продлившейся даже после смерти Тициана: Пастернак сохранил верность его памяти на всю жизнь, а семья Табидзе стала его семьей.

Можно сказать, что великий русский поэт неразрывно,

кровно связал себя с Грузией своим поэтическим словом, своей жизнью, своей любовью к грузинским братьям. Нет в истории другого примера такого братства, такого единства судеб!

В июле 1932 года Борис Леонидович написал Паоло Яшвили поразительное письмо, в котором объяснял, чем стали для него Тбилиси, Грузия: «Мне теперь ясно – этот город будет для меня тем же, чем были Шопен, Скрябин, Марбург, Венеция и Рильке, – одной из глав «Охранной грамоты»... Я говорю «будет», потому что я писатель, и все это надо превратить в дело и всему найти выражение; я говорю «будет», потому что всем этим он уже для меня стал... Уже этот круг воспоминаний владеет мной: уже он пишет меня, как сказал бы Тициан... Что бы я ни задумал теперь, мне Грузию не обойти».

Можно сказать, что и Грузии не обойти Пастернака – его след в нашей истории очень велик.

И в Грузии до сих нет ни памятника, ни улицы, ни тупичка, ни сквера имени Пастернака.

В то время как наш великий скульптор Зураб Церетели уже

Зураб Церетели. Памятник Борису Пастернаку

давно выразил готовность передать Грузии созданный им памятник великому поэту.

И сейчас, в год его 130-летия, я снова повторю: не пора ли уже, говоря словами Шекспира, наконец-то ответить «любовью на любовь», отблагодарить Бориса Пастернака за все, что он сделал для Грузии, и увековечить его память?

Я уверен – это дело нашей чести, нашей совести, нашего достоинства.

Парфразируя самого поэта, можно сказать: «Тем живее будет наша верность ему».

Татьяна Никольская

«ЛЮБЛЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ИГРУ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

В прошлом году в издательстве «Да» была переиздана книга о творческих объединениях в послереволюционной меньшевистской Грузии – «Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921)». Ее автор – известный литературовед, библиотечарь; мемуаристка, исследователь русского авангарда, специалист по русской прозе 1910-1930-х годов, истории футуризма в Грузии, русско-грузинским литературным связям первой трети XX века Татьяна Никольская. Недавно она в очередной раз посетила Грузию, встретилась со своими многочисленными читателями и почитателями, выступила с увлекательнейшей лекцией, посвященной «Фантастическому

городу» и его обитателям.

Первое издание уникальной книги увидело свет в 2000 году. Татьяна Львовна в своих интервью не раз рассказывала о том, как после окончания филологического факультета Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова заинтересовалась русской эмиграцией в Грузии. Прочитала книжку «Бросок на юг» – известные воспоминания Константина Паустовского, в которых нашли отражение несколько месяцев жизни писателя на Кавказе в начале двадцатых годов прошлого века. Писатель в свою бытность в Тифлисе останавливался в доме Зданевичей, описал жизнь горожан. Илья Эренбург коснулся этих страниц истории в своей

знаменитой книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь». Существовали еще какие-то воспоминания, но их было немного. И Татьяна Львовна решила подробнее изучить волнующую ее тему, в публичной библиотеке Питера она нашла какую-то русскую периодику, выходящую в 20-е годы в Тифлисе: журнал «Ars» под редакцией С. Городецкого и А. Антоновской, отдельные номера журналов «Феникс» и «Курранты» под редакцией Бориса Корнеева и Юрия Дегена.

«Мне захотелось узнать об этом периоде подробнее, и когда появилась такая возможность, я приехала в Тбилиси, – рассказала Т. Никольская в интервью корреспонденту «РК». – В первый свой приезд – я поехала в Грузию по путевке всего на две недели – я познакомилась с писателем, литератором Акакием Гацерелия, который очень любил Андрея Белого, мы много беседовали. Акакий Константинович мне очень помог. В тот же приезд я познакоми-

лась со Звиадом Гамсахурдиа. Акакий Гацерелия был одним из его крестных. Кроме того, я повстречала людей, которые в этот период просто жили в Тбилиси. Среди них – жена медиевиста, археолога, искусствоведа Дмитрия Петровича Гордеева Нина Николаевна Васильева, у которой отец – русский, а мать – грузинка. В литературной студии поэтов «Фантастический кабачок», где собирались футуристы самой авангардной из существовавших футуристических группировок «41 градус», она была секретарем. В Тбилиси я познакомилась с женой поэта, востоковеда Юрия Николаевича Марра и, соответственно, невесткой кавказоведа, филолога, историка, этнографа и археолога Николая Яковлевича Марра, Софьей Михайловной Марр, которая вместе с Татьяной Вечеркой и Ниной Васильевой входила в литературный кружок – дружество «Альфа -Лира», существовавшее в 1918 году. Какой-то материал я получила от них».

Первая статья Татьяны Никольской была посвящена литературному объединению «Фантастический кабачок». В Публичной библиотеке северной столицы был экземпляр альманаха «Фантастический кабачок», где были опубликованы произведения на русском и грузинском языках. Свою статью она отдала в журнал «Литературная Грузия». Для сбора материалов по интересующей теме Татьяна Львовна приехала в Тбилиси и в общей сложности провела здесь около восьми месяцев.

«Первые четыре я жила в доме Мераба Костава, где обитал и его брат Омар со своей русской женой Таней, – вспоминает Т. Никольская. – Там я стала понемногу заниматься грузинским языком, и моей первой учительницей была профессор ТГУ им. И. Джавахишвили Цира Чикваидзе, аспирантка академичка Акакия Шанидзе – она работала на кафедре древнегрузинского языка. Я ежедневно ходила в библиотеку и смотрела газеты того времени сначала на русском, а потом и на грузинском языке. Мне было интересно, что писали в тот период не

только в русской, но и в грузинской прессе. Русская культурная жизнь была довольно насыщенной. Центром, где читали свои лекции футуристы, стала студия поэтов «Фантастический кабачок», объединявшая несколько поэтических групп. Они выступали в «Фантастическом кабачке», туда же приходили поэты-голубороговцы. У Нины Васильевой есть поэма «Фантастический кабачок», где автор описывает, кто там выступал.

Отдельные заметки о литературной жизни Тифлиса были. Например, у Ростислава Прилипко, с которым я тоже встретилась, была диссертация, посвященная творчеству поэта-модерниста Владимира Эльснера, а в ней – обзорная вступительная глава о том, какие журналы в тот период выходили. Познакомилась с литературоведом Гарегином Бебутовым, – у него были работы о поэте Колау Чернявском – члене литературной группы «41 градус», о поэте Борисе Корнееве. Тот же Г. Бебутов убеждал, что никто меня не напечатает. Но статью о «Фантастическом кабачке» все-таки опубликовали, правда, через шесть лет. Это произошло в 1980 году.

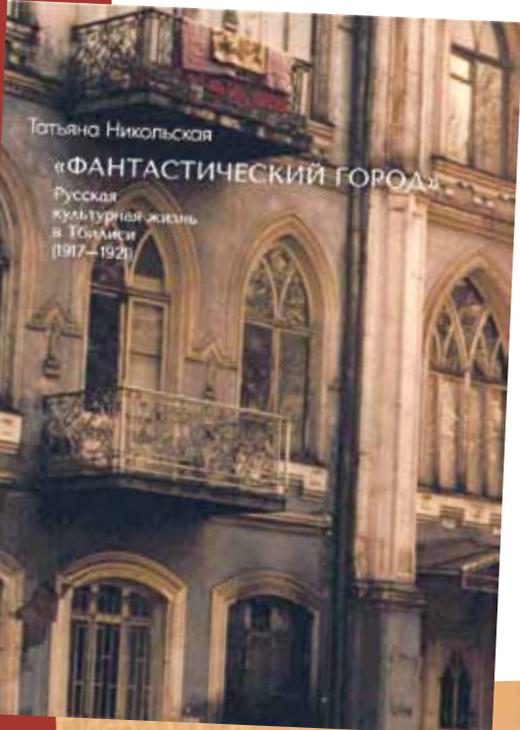
В процессе работы над этой темой я посетила и Книжную палату Грузии. А один из номеров газеты «Грядущий день» нашла только в Институте истории партии при ЦК КП Грузии. Попаст туда было сложно. Но я просто пришла и сказала директору института Дэви Стуруа, что зани-

маюсь такой-то темой, приехала из Ленинграда, и мне нужно посмотреть одну газету. Вспомнила, что у нас в Москве есть общий знакомый – поэт Евгений Рейн. Он рассказывал мне, что познакомился со Стуруа на дне рождения Евгения Евтушенко, и Дэви Георгиевичу понравилась жена Рейна Наташа. И я рассказала Стуруа, что о нем очень хорошо вспоминали Женя Рейн и Наташа. Он искренне обрадовался: «А, Наташа! Замечательная женщина!» Короче говоря, Стуруа позвонил в библиотеку, но перед этим уточнил: «А она не очень антисоветская?» – «Нет, ничего антисоветского в ней нет!» И Дэви Георгиевич мне позволил заниматься. Только попросил представить хоть какой-нибудь документ.

В середине 80-х годов эта книжка – «Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917-1921» – была написана. Я отнесла ее в издательство «Заря Востока». Однако издатели опять-таки боялись публиковать книгу, повествующую о том, что такая интересная, бурная культурная жизнь, масса группировок – «Фантастический кабачок», «Химериони», кабаре, культурные, театральные программы – «Павлиний хвост», «Ладья аргонатов» – существовали во время правления Ноэ Жордания, то есть в период существования меньшевистской Грузии. Русские и грузинские поэты собирались,

Велимир Хлебников

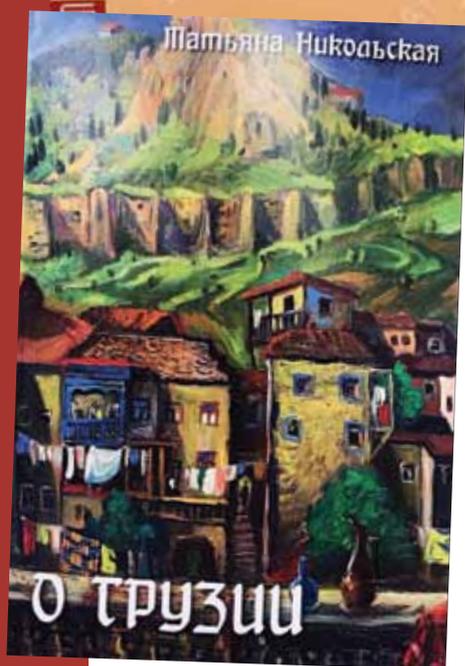
вместе читали стихи, ставили какие-то пьески. И вот такая насыщенная жизнь была тогда, когда в Грузии еще не было советской власти! Желание издать мою работу было, но мне говорили, что сами не могут это сделать, что должны послать книгу в Москву на рецензию. В итоге она попала к литературоведу Владимиру Енишерлову. Я ему позвонила, и он мне сказал: «Книга мне ваша нравится!» – «Так напишите рецензию!» – «Да-да, конечно, только у меня сейчас нет времени!» В итоге Енишерлов не только ничего не написал, но даже не вернул мне экземпляр, посланный ему на рецензию. В конце концов, в 2000 году книгу выпустило московское издательство «Пятая страна».

– И вот – новое издание. *Расскажите, пожалуйста, как шла работа над ним? Какие изменения, дополнения были внесены в первоначальный текст?*

– Когда шла работа над новым изданием, я приехала в Тбилиси с целью узнать, что нового по данной теме было написано в Тбилиси за прошедшие два десятилетия, то есть приехала пополнить библиографию. Была в Литературном музее имени Г. Леонидзе, Институте грузинской литературы. Мне представили сборники конференций. Я просмотрела их содержание. Новое издание отличается от прежнего тем, что в нем значительно дополнена библиография. По мере возможности я в нем отразила новые материалы. К примеру, касающиеся периода независимости Грузии – периода, когда во главе страны стоял Ноэ Жордания. В советское время об этих страницах истории говорилось только в негативном контексте. А позднее появилось много интересной литературы, воспоминания, мемуары, аналитические тексты, в том числе вышедшие за рубежом. В частности, у британского ученого Дональда Рейфилда, выпустившего солидный труд по истории Грузии, период независимости страны тоже отражен. Какие-то работы появились и у итальянского ученого Луиджи Магаротто. Вышла книга Зураба Авалишвили «Независимость Грузии в международной политике».

– *А свой текст в новом издании вы расширили?*

– Незначительно, больше это коснулось примечаний. В прежней книге их тоже было много, а сейчас стало еще больше. Обычный читатель знакомится с текстом, а филолог стремится идти дальше, ему интересны примечания, то, что еще можно прочесть по данной теме. Институт грузинской литературы выпустил переписку «голубороговцев» в двух томах. Оттуда я что-то цитирую – например, письмо Григола Робакидзе Валериану Гаприндашвили. Новые материалы что-то проясняют, добавляют. К сожалению, какие-то вещи стали мне известны, когда второе издание уже вышло. Так, сербский литературовед, славист, исследователь русского авангарда, переводчик Корнелия Ичин со своим предисловием выпустила в Белграде литературное наследие русского поэта, прозаика, литературного критика, футуриста Юрия Евгеньевича Дегена. В книгу вошли опубликованные в Тифлисе и Баку поэтические сборники, пьесы, проза, критические статьи, рукописные материалы, хранящиеся у наследников Юрия Дегена. Вот это – конкретно. Вызывает интерес сборник статей о русской литературе по материалам журналов «Ars», «Куранты», газеты «Новый день» под названием «Русская литературно-художественная критика в Грузии. 1918-1922», составление, редакция и примечания Валерия Гречко. Для меня самая большая радость, что исследователи продолжают, продолжают и продолжают идти в этом направлении. Литературный критик Белла Ципурия подарила мне свою статью о русской поэтессе, прозаике, переводчице Татьяне Вечорке. Она вошла в сборник, выпускаемый в Германии, – «Ежегодник футуризма». Я даже не знала о существовании этого издания. В 2024 году я прочла замечательную, глубокую, обширную – на 20 страниц! – рецензию на первое издание своей книги «Фантастический город» американского исследователя индийского происхождения Хар-

Сергей Городецкий

ши Рама. Он сопоставляет мой труд с работами итальянских исследователей Марцио Марцандури и Луиджи Магаротто. Рецензия появилась в 2004 году в малоизвестном американском издании – ссылку на нее я нашла в одной грузинской книжке по материалам конференции, состоявшейся в Институте грузинской литературы. С Харши Рама я была когда-то знакома, он приезжал в Санкт-Петербург. Американский ученый тогда занимался творчеством Велимира Хлебникова, нас познакомили в Институте востоковедения. Однажды Харши Рама был у меня в гостях и подарил свою диссертацию о Хлебникове. Позднее от главного редактора «Литературной Грузии» Зазы Абзианидзе я узнала, что он приезжал в Тбилиси, изучил грузинский язык. В онлайн формате выступал на конференции по Шота Руставели и предложил комплексное исследование грузинского тоста – в разных аспектах.

– Татьяна Львовна, вы будете дальше развивать тему, отраженную в «Фантастическом городе»?

– Нет, пусть теперь это делают другие исследователи. Сейчас я

занимаюсь грузинским футуризмом.

– В течение восьми лет после выхода нашего первого интервью в «РК» вы работали именно над этим?

– Не только. На протяжении 30 лет я проработала в библиотеке Института восточных рукописей РАН, занималась грузинской книгой и систематизировала издания на грузинском языке. Ну и попутно писала про книги, которые казались мне любопытными. Несколько лет я выпустила сборник «О Грузии». Правда, очень маленьким тиражом – около 100 экземпляров. Единственное место, где ее еще можно приобрести, – магазин «Порядок слов». В книге собраны мои статьи о грузинской культуре. Так, меня заинтересовали сатирические издания, которые выходили в начале XX века – скетчи и т.д. Я делала доклады на основе массовой литературы, которую нашла у себя в архиве. Например, доклад «Шантажисты и Геурк-ага»: Из истории грузинских сатирических изданий начала XX века. (По материалам грузинского фонда библиотеки СПбФив РАН)» – о широко известной и многократно переизданной в Тбилиси и Кутаиси поэме «Шантажисты и Геурк-ага», подписанной псевдонимом «Нами». Она была отражением участвовавших в период революции 1905-1907 гг. случаев экспроприации частной собственности и вымогательства денег так называемыми революционерами, а на деле – бандитами. На этот сюжет была сделана целая пьеска. К купцу приходит делегация шантажистов. Все они «революционеры» – среди них анархист-максималист, социал-демократ... и т.д. В пьесе вымогатели уходят не солоно хлебавши, без денег. Еще один подобный драматургический опыт – о двух друзьях, армянин и грузине. Грузин держит духан, армянин приходит к нему в гости. Они говорят о новом постановлении. Поскольку трактирщик плохо понимает по-русски, друг-армянин ему растолковывает, что означает то или иное требование. Идет словесная игра: грузин понимает одно, а

на самом деле речь идет о другом. К примеру, в списке требований, которые предъявляются к духану, есть и такое: в заведении должно быть два туалета: мужской и женский. Трактирщик возмущается: «Зачем нужен женский? Ведь женщины в духан не ходят?! «Нет, так нужно, иначе тебя оштрафуют...» – предупреждает друг. Еще одна забавная сценка – о взяточничестве чиновников. Доклад о низовой литературе я сделала на конференции в университете, на юбилее восточного факультета, а потом он вошел в книгу статей и мемуаров «О Грузии» – вместе с текстами из моих книг «Спасибо, что вы были», «Еще раз спасибо», мемуарами о людях, с которыми я познакомилась в Грузии. А также переводом статьи Григола Робакидзе 1928 года «Дни Толстого», из двух номеров журнала «Мнатоби». Другой перевод, вошедший в сборник, мы подготовили вместе с моей подругой, поэтом Дали Цаава – «Сны в кожаном кресле». В сборнике опубликованы также перевод рассказа Басила Меликишвили «Озеро змей», блок воспоминаний, статья «Отражение хевсурского обычая «сцорпроба» в грузин-

Константин Вагинов

Юрий Деген

ской литературе 1920 – начале 1930-х гг. («Белый воротничок» М. Джавахишвили, «Енгед» Гр. Робакидзе) – о том, как этот обычай по-разному интерпретируется в грузинской прозе (суть его в том, что между юношей и девушкой могут существовать отношения «сцорпроба», когда они друг в друга влюблены, но не имеют права вступать в брак. – И.Б.).

Тема моего последнего доклада, который я делала в 2016 году на конференции, посвященной 850-летию юбилею автора «Витязя в тигровой шкуре», – Руставели в русской поэзии 1930-1960-х гг. Я постаралась систематизировать и классифицировать стихи. С одной стороны, стихи и переводы создавали поэты, знакомые с текстами Руставели. Но были и другие авторы. Им что-то рассказывали о грузинском поэте XII века и его творении, и они излагали услышанное в своих стихах. Это даже не вольный перевод, а стихи, созданные по слухам, легендам. Или собственные фантазии на темы Руставели. Еще одна информация. Недавно перевели на русский язык тексты нескольких журналов и газеты, выходивших в Грузии в 1920-е

годы – «ლიტერატურა და სხვა», «დროული», «მემარცხენეობა», и я делаю к переводам примечания. Автор переводов – Гудза Апакидзе. Он тбилисец, живет в Санкт-Петербурге. Несколько лет издавал газету при Православном храме «Церковь Шестоковской иконы Божией Матери грузинского прихода».

– Татьяна Львовна, кроме научной работы, вы отдаете дань и писательству. Расскажите, пожалуйста, о своей первой повести «Ленинград-Тбилиси». Как она родилась?

– Ее появление отчасти случайно. В конце 70-х я тяжело заболела – перитонит. Два месяца пролежала в больнице, восстанавливалась около года. Поэтому в основном сидела дома, ничем серьезным заниматься не могла и стала писать какие-то художественные тексты. Потом я предлагала свою повесть в разные издания, но ее долго нигде не печатали. Уже в наше время ситуация изменилась. В 2014 году у меня вышел сборник воспоминаний «Спасибо, что вы были». Мой издатель Олег Дмитриев, у которого было некоммерческое российско-финское издательство «Юолукка», предложил мне вспомнить еще о ком-то – для объема. Я сказала, что у меня есть повесть, которую я нигде не смогла опубликовать. Она лежала в ящике моего письменного стола без дела, и я передала ее Олегу Дмитриеву вместе с воспоминаниями, которые написала по его просьбе. Так моя повесть наконец вышла в свет. Она связана и с Грузией, и с Петербургом, жизнью литературных кругов. Это художественный текст, основанный на реальных фактах. Конечно, факты были интерпретированы, домыслены. Так что в моей повести, как в любом художественном произведении, соединяются реальность и вымысел. Слава Богу, никто не обиделся на меня из тех, кто стал прототипом моих персонажей.

Хотя бывает иначе. Знаю одно произведение про известного петербуржца, которое написал его знакомый. Они дружили, потом поссорились. Автор вывел бывшего друга

под прозрачным псевдонимом, и последний так на него обиделся, что навсегда эту обиду в себе сохранил, даже когда писателя уже не было в живых. Прототип был легко узнаваем. Повесть была опубликована в одном толстом московском журнале, ее прочли, возникло много разговоров, разгорелся настоящий литературный скандал! Такое случается. В книге Катаева «Алмазный мой венец» тоже есть правда и неправда. В «Козлиной песни» писателя Константина Вагинова, которым я много лет занималась, выведены многие известные люди... Одни отрицают узнавание: нет, это не я. Другие разрывают с автором все отношения... В одиннадцатом номере журнала «Звезда» (2024) вышел мой материал «Штрихи к портрету литературного натурщика» – про переводчика со многих языков, меломана, прототипа героя романа Константина Вагинова «Козлиная песнь» Кости Ротикова – Ивана Алексеевича Лихачева. Он провел 17 лет в ссылках и лагерях. Герой «Козлиной песни» Ротиков собирал всякую

Кирилл Зданевич. Кабак. 1910-е гг.

безвкусицу, надписи на заборах, туалетах – граффити. Так Лихачеву как раз очень понравилось, что он стал литературным натурщиком! Когда я встречалась с людьми, знавшими Вагинова, то познакомилась с Иваном Алексеевичем. И он сам сказал о себе: «Костя Ротиков – это я! Я действительно собирал надписи в туалетах и всякую безвкусицу». Писатель Павел Николаевич Лукницкий, занимавшийся творчеством Николая Гумилева, встречался с людьми, которые с ним общались, записывал сведения о поэте. И он тоже стал прототипом героя Вагинова – Миши Котикова. Лукницкий книгу не читал, но слышал, что выведен в «Козлиной песни» в образе персонажа, у которого были романы со всеми дамами, в свое время связанными с Гумилевым. «Но это неправда! – сказал Павел Николаевич. – Потому что дам было много, и они были значительно старше меня». Тем не менее Лукницкий вел дневники, там он нашел записи о Вагинове. Я была у него вначале в Переделкино, потом он пригласил меня на дачу и дал прочесть свои дневниковые записи о Вагинове.

– А что скажете о прототипах вашей повести «Ленинград-Тбилиси»? Это какой период?

– Семидесятые годы. А о про-

тотипах сказать не могу. Но, повторяю, никто из них на меня не обиделся.

– *Близкие вам авангардисты обращались к XVIII веку, отрицая XIX. А каково ваше отношение к литературе XIX века?*

– Этим периодом не занимаюсь.

– *Почему?*

– Потому что XIX ближе к XX веку, а XVIII – дальше, и различий больше. А различие привлекает больше, чем сходство. То есть стиль XIX века ближе к XX, а с XVIII – большая разница. Это и привлекало авангардистов. В самом архаичном стиле был интерес.

– *И для вас самой?*

– Мне не важно, в каком веке писатель работал: один нравится, другого мне читать скучно. У меня подход не по векам. Для меня не имеет значения время написания произведения. Оно может меня интересовать или не интересовать.

– *А кто вас интересует в русской литературе XIX века?*

– Достоевский. Звучит банально?

– *Достоевский? Нет, конечно!*

– Весь мир – Достоевский!

– *Писатель Дмитрий Быков называет Достоевского «началом русского фашизма» и главной бедой человечества в XIX веке.*

– Люди могут спорить о каких-то вещах... Я очень люблю роман «Идиот». А еще мне нравится веселая вещь Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» и его Фома Фомич Опискин! Мне вообще нравится литература о литературе как филологу. В образе Фомы Фомича Опискина выведен Николай Гоголь. Гротеск, естественно!

– *Вы любите гротеск?*

– Люблю гротеск, литературную игру. Раз речь зашла о Быкове, мне нравится его роман «Остров, или Ученик чародея», основанный на литературной жизни Петрограда и Ленинграда 20-х годов. Первый писатель, которым я стала заниматься, был, как я сказала, Константин Вагинов. Его романы обыгрываются. И круг литераторов, о которых я говорила, обыгрывается в «Острове», они действуют как живые персонажи, показаны их отношения. Кто-то изображен под своим именем, кто-то – под вымышленным. Все это увлекательная литературная игра!

– *В юности вы отказались заниматься творчеством Александра Блока, когда была такая возможность. Равнодушны к его поэзии?*

– Блоком занимались все, это был мейнстрим. Не хотелось быть одной из стаи...

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ» Павел Флоренский в Грузии

■ **Нинель МЕЛКАДЗЕ**

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

Наш рассказ посвящен детским и юношеским годам феноменального сына Кавказа, выпускника 2-й Тифлисской мужской гимназии, одного из самых разносторонних мыслителей XX века, ученого-энциклопедиста, человека с сверхъестественным объемом знаний по многим отраслям науки, искусства и техники, автора многочисленных изобретений, философа-космиста, поэта, музыкально одаренного человека, отголоски внутренне слышимой музыки которого рассеяны во всех его работах, тонкого ценителя и вдохновенного исполнителя произведений Баха, Бетховена, Моцарта, Гайдна, подвижника духа, богослова и естествоиспытателя,

выдающегося православного священника начала XX века Павла Александровича Флоренского (отца Павла).

Уникальность личности П.А. Флоренского в том, что он стремился синтезировать знания самых различных областей в единое целое. Свою жизненную задачу он понимал, по словам Д.С. Лихачева, «как проложение путей к будущему цельному мировоззрению». Ему «в высшей степени было свойственно системное мышление... В фундаментальном сочинении Флоренского «Столп и утверждение Истины» объединяются в стройном учении изыскания, принятые им в разных направлениях и областях человеческой культуры... Мощный луч как бы освещал Флоренскому дорогу в многообразный мир наук и искусств» (В. Яковлев). Широта и плодотворность его изысканий не может не поражать, а красота мысли и исчерпывающая точность его формулировок не могут не восхищать. Так, книга «Мнимости в геометрии», написанная в 1922-м, предвосхищает ряд позднейших открытий в области математики и астрологии.

Но была еще одна сфера социального знания, в которой органично совмещались и научные интересы, и личные. Это – генеалогия, в которой о. Павел видел творческую, перспективную науку, открывающую возможности для более глубокого познания человека и человеческой истории. Генеалогические идеи П.А. Флоренского гармонично вписываются в систему его философских, исторических и социологических взглядов.

Несмотря на широту охвата дисциплин, основные интересы о. Павла, несомненно, лежали в области богословия и философии. Значимость его богословских трудов признавали как православная, так и католическая церковь. Папа Римский Бенедикт XV оценил его труд «Столп и утверждение Истины» как крупнейший вклад в теологию и философию. В Ватикане, в часовне Пресвятой Богородицы «Redemptoris Mater» есть мозаика с изображением Павла Флоренского.

Патриарх Московский и Всея

П.А. Флоренский. «Столп и утверждение истины». Первое издание. 1914

Руси Алексей II писал: «Творчество священника Павла Флоренского опровергает известное представление о мнимой несовместимости духа научного исследования, с одной стороны, и христианского миропонимания – с другой. Ложное противопоставление разума и веры, получившее наибольшее развитие в эпоху Просвещения, нанесло немалый ущерб как научному сообществу, так и Церкви, а в итоге – всему человечеству. Убежден, что в XXI столетии диалог веры и науки не только будет успешно развиваться, но и ляжет в основу обновленного, целостного мировоззрения. И вклад нашего выдающегося соотечественника, верного сына Церкви священника Павла Флоренского в формирование такого мировоззрения не может быть забыт».

Многочисленные публикации и исследования церковных и светских ученых всего мира свидетельствуют о том, что жизнь, личность и творчество о. Павла имеют общекультурное и общецерковное значение. В подавляющем большинстве исследовательской литературы феномен Павла Флоренского расценивается в превосходной степени: «человек обладающий сверхчеловеческой эрудицией», «универсальный гений», «Паскаль нашего времени», «русский Лейбниц», «Леонардо да Винчи XX века». Тайя Гут называет его «самым светоносным представителем русской

духовной жизни», а Стефен Кесиди – «одним из величайших интеллектуалов всех времен». В трудах М. Хагемейстера («Новое Средневековье» Павла Флоренского») и Л. Геллера («Органопроеция»: в поисках очеловеченного мира») конструируются два абсолютно непохожих образа Флоренского. Для М. Хагемейстера Флоренский архаичен, воинственно-реакционен и не интересен; для Л. Геллера Флоренский – самый широко одаренный в истории человечества, абсолютно современный интеллектуал, обращенный своими идеями в будущее.

Не вступая в полемику, напомним, что на станции Сковородино, на Дальнем Востоке, в условиях ссылки о. Павел продолжил научную деятельность на Опытной мерзлотной станции и за короткое время сумел отправить в Академию наук две научные статьи. В августе 1934 года, уже в Соловецком лагере, он, несмотря на невероятно тяжелые условия, находит темы для научных исследований и получает более десятка патентов на изобретения. И как бы извиняясь за свою до самозабвения увлеченность работой, пишет маме: «1936.X.19. Соловки. № 76. Тут у меня, как ни странно, ряд кавказских впечатлений – от лиц, языков и природы. Да, здешняя северная природа местами перекликается с высокогорными нагорьями Кавказа. Все это еще лишний раз застав-

ляет вспомнить о тебе... Вы, т.е. ты, Анна и дети, не сознаете, что только чрез вас проходит нить, привязывающая меня к жизни; все прочее интересует меня лишь только в связи с вами. Это вам кажется странным, т.к. я работой всегда увлекаюсь. Но работая, ...думаю всегда о вас». И еще: «Я называю Соловки Островом Ветров, припоминая, что по верованиям эллинов далеко на севере, за гипербореями, находилась Пещера Ветров, в которой Ветры живут и откуда вылетают, чтобы носиться по всему миру. Тут же ветры свистят, завывают, врываются сквозь малейшие щели в помещения. Сейчас пишу тебе под свист Борея, раздающийся со всех сторон. Не имея возможности заниматься частными вопросами математики и физики, а также в силу всегдашней склонности к натурфилософии, я все более ухожу в общие вопросы естественнонаучной картины мира, но не схематически, а фактически, собираю разные данные, ведущие к эмпирическому обобщению. Главным предметом внимания служит биохимия и биоморфология в связи с геологическими и технологическими вопросами. Однако, везде не хватает данных, т.к. приходится пользоваться случайными книгами и вообще случайным материалом, – какой попадется, а не подбираемым по желанию и плану. М.б. и ошибочно, но при такой работе все время имею в виду детей, думая, что им мой материал мог бы быть поучителен. А впрочем, в душе сознаю, что каждый лишь сам собирает себе нужный материал для выводов, собранный же другими под определенным углом зрения обычно остается неиспользованным. Но такова жизнь – сознаешь тщетность усилий и все-таки надеешься, вопреки тому, что о жизни знаешь. М.б. смысл подобной работы лишь в том, что дети будут знать, что о них всегда думаю и стараюсь им помочь, чем могу?»

Непреложный факт: для подавляющего большинства П.А. Флоренский – гений. Человек с древних времен пытался постичь феномен гениальности, выявить физиологические отличия гениев от остальных людей,

Семья Флоренских

но обнаружить какие-либо закономерности не удавалось. Само понятие «гениальность» появилось только в эпоху Возрождения. Древние говорили о мудрости и мудрецах: в Древней Греции это были софосы (мудрецы), в Древнем Китае – цзы (учителя), в древней Индии – риши (мудрецы, провидцы), в древнеиндусском обществе риши были окружены особым почетом как хранители сокровенных знаний. Римляне трактовали гениальность (от лат. *genius* – «дух») как высшую степень проявления интеллектуальных и творческих способностей личности. Наш современник, И.И. Гарин (доктор физико-математических наук, известный специалист в области реакторного и космического материаловедения, автор книг и статей по философии, религии, психологии, литературоведению, истории культуры), размышляя о феномене гениальности в своей книге «Непризнанные гении», пишет: «Творчество человека – продолжение миротворения, важнейшая форма реализации его божественных сил. Человек-творец есть продолжатель и соучастник Божьего творчества. Как писал П. Флоренский, если есть «Троица» Рублева, значит есть Бог. С возникновением человека начинается новый этап эволюции – творческое участие творения в мировом деле Творца, именуемое историей, культурой, искусством, восхождением духа».

Рассказывая о кавказском

периоде жизненного пути о Павла, мы постараемся извлечь из трудов, воспоминаний и эпистолярного наследия П.А. Флоренского, членов его семьи и друзей, все факты и события из кавказского детства, отрочества и юности, которые могли повлиять на развитие у него феноменального уровня интеллекта. Иначе говоря, наш очерк соткан из цитат из его трудов, из воспоминаний членов семьи и друзей, близко знавших его людей, исследователей его научного наследия – без этого невозможно обойтись, когда речь идет о таком уникале как о Павле. Все эти цитаты – лишь для того, чтобы вы из первых уст услышали о формировании Павлом Флоренским себя с самого раннего кавказского детства, и решили, был ли он гением изначально или эти навыки он развил в себе в течение жизни.

Гениальность, как было сказано выше, непознаваема, но мы все же попытаемся показать, как формировался кавказский Леонардо и какие истоки заложили его миропонимание. Как весь комплекс – гены, биография семьи, музыкальное воспитание, многообразная природа Кавказа и его разнородный народ, средства семейного воспитания, талантливые педагоги 2-й мужской тифлисской гимназии и выдающиеся русские мыслители эпохи «Великого перелома», а также особая связь между отцом и сыном, переплетаясь, подарил

миру гениального мыслителя начала XX века – отца Павла.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Место рождения человека является местом начала его развития, это своеобразная отправная точка. Уже при рождении человека звезды закладывают его характер, внешность, целеустремления, интеллектуальные способности.

Место своего рождения Павел Флоренский описал в книге «Детям моим. Воспоминания прошлых дней» – изумительном синтезе биографического текста, натурфилософского трактата и исповедальной прозы, которую издал его внук, игумен Андроник (А.С. Трубачев). В ней Флоренский пытается нащупать в детстве и юности корни своего мировидения, моменты, сформировавшие строй его мыслей, которые привели к последующему их эмпирическому обобщению.

По окончании Института путей сообщения инженер Александр Иванович Флоренский, обвенчался с Ольгой (Саломэ) Павловной Сапаровой (Сапарьян) и поехал на место своего назначения в деревню Евлах в Закавказской степи возле болотистого берега Куры, Елисаветопольской губернии, Джебанджирского уезда, где был назначен руководителем строительства одного из участков Закавказской железной дороги. В настоящее время это крупный транспортный узел железных и автомобильных дорог Азербайджана. «Тогда это была чистая степь, в... травах этой степи водились в изобилии фазаны и – лучшая из дичи и редчайшая – турачи, – пишет П. Флоренский. – Кура изобиловала лососями, осетрами и всякой рыбой... Но зато и опасностей всякого рода было достаточно: ядовитые змеи, скорпионы, фаланги и тарантулы, комары, москиты – всего этого в девственной степи было много-премного. ...Ну, конечно, о черепахах, джейранах и других существах невинных и говорить нечего, – там их, мало пуганных еще людьми, было весьма много».

Жили они в обитых коврами товарных вагонах; позже для

них из волнистого железа был выстроен барак, обитый внутри войлоком. Этот барак и послужил началом для позднейшей станции железной дороги. В нем были три комнаты и, кроме того, отдельная пристройка – кухня. Там среди степи, «в дикой местности, стесненной двумя снеговыми горными группами», спустя два года 9-го января 1882-го года, вечером, часов около семи родился первенец Флоренских – Павел. Этот вечерующий час, между шестью и семью, всегда был часом Павла Флоренского, и не было для него «ничего сладостнее, милее и мистичнее, в хорошую сторону, чем этот час прозрачности, мира и наступающей прохлады. Зажигающаяся звезда Вечерняя, огонь в сумерки...» – читаем у игумена Андроника.

Павел Флоренский писал: «Место моего рождения Евлах, где преизобилующая природными богатствами и обременительная избытком роскоши жизни степь стеснена двумя снеговыми горными группами... В этой двойственности природы, меня воспитавшей, я склонен видеть наглядное выражение собственной моей двойственности, в которой север и юг через кровь исторически самую молодую и самую древнюю, напряженно противостоят друг другу, не только не смешиваясь, но и, напротив, возбуждая друг друга к более крепкому самоопределению».

Осенью 1882 года семья переселилась в Тифлис, куда перевели на работу А.И. Флоренского. В Тифлисе, в старинной православной Давидовской церкви у подножия горы Мтацминда, 9 октября 1882 года малыш был крещен с именем Павел. Супруги принадлежали разным конфессиям: Ольга Павловна – Армянской апостольской церкви, Александр Иванович – Русской православной церкви. Известно, что по закону того времени, если хоть один из родителей был православным, то дети считались православного вероисповедания.

ИСТОКИ

Флоренский считал, что самый надежный путь самопозна-

ния личности, а следовательно, и самосовершенствования – это поиск своих родовых корней и изучение истории предков. Трудно найти другую форму исторической памяти, которая так же глубоко и полно отражает органическую связь прошлого и настоящего, присутствие прошлого в жизни современно-го человека, как генеалогия.

Увлечение Павла Флоренского генеалогией объясняется, кроме всего прочего, личными мотивами. Его детство прошло в обстановке религиозной индифферентности и почти полной отрешенности от родового прошлого. В семейной атмосфере царили трудолюбие, моральная чистота, высокие культурные запросы, скромность в материальных потребностях, отвращение к «условностям», показной мишуре и фальшивому блеску. Но эта семья была ветвью, оторванной от генеалогического древа. Обобщая свои детские впечатления, Флоренский писал: «Наша жизнь была жизнью «в себе», хотя едва ли «для себя», – существованием, отрезанным от общественной среды и от прошлого. И в пространстве, и во времени были мы «новым родом», новым поколением – сами по себе... Мы, дети, почти не знали прошлого своей семьи, не говоря уже о нашем роде. На настоящее и, главным образом, на будущее смотрели глаза моих родителей. А прошлое... прошлое теоретически отрицалось, фактически не было известно или почти не было известно... Отец мой и мать моя выпали из своих родов: и понятно, что нить живого предания выпала из рук их, а отчасти и была просто выпущена...».

В душе о. Павла рождалось стремление преодолеть отчужденность от родовых корней: «Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории. А мне хотелось бы быть в состоянии точно определить себе, что именно делал я и где именно находился я в каждый из исторических моментов нашей родины и всего мира – я, конечно, в лице своих предков. Этого-то знания я лишен был, хотя всегда чувствовал, сам не

знаю почему, что род наш очень древний и что возможность такого исторического самоопределения для нас, Флоренских, не исключена по существу».

В письме В.В. Розанову от 26 октября 1915 г. Флоренский определил общие черты их творческих исканий – любовь к корню: «Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному, и, скажу определенно, к корню – к корню личности, истории, бытия, знания... И отсюда – органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подъедает, что хочет расти не на корне, а «само по себе»». Здесь речь идет об особом состоянии души, которой близка и дорога «корневая основа» народной культуры, глубина народной традиции.

Всю сознательную жизнь он собирал подробности о своем роде. С позиции музейного работника подходил к подаренным ему вещам: хранил, подписывая кто и когда их подарил. По мере взросления Флоренский все глубже осознавал, что «жить с пустотой в прошлом скучно и некультурно». В завещании своим детям Флоренский напутствует: «Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над закреплением их памяти. ...Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями...».

ПРЕДКИ ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

Павел Флоренский последовательно собирал и исследовал материалы о своих предках по отцовской линии, старался осуществить, как он писал, «генеалогическую реставрацию прошлого». Однако такая реставрация прошлого стала возможна после того, как весной 1953 года мир взволновала публикация серии статей об открытии структуры ДНК. Старший

Иван Андреевич Флоренский

внук Павла Флоренского, Павел Васильевич, прошел ДНК-тестирование, по результатам анализа которого Флоренские относятся к ветви, считающейся специфической для финно-угорских народов. На территории России большинство ее носителей составляют татары и северные русские, в том числе и костромичи. Самым ранним известным предком Павла Александровича Флоренского считается диакон Афанасий Иванович Флоренский (1732-1795) из села Завражье на границе Костромской, Нижегородской и Ивановской областей.

Нужно отметить, что в XVIII-XIX вв. четыре поколения предков П.А. Флоренского служили в православных храмах в селах на берегу Волги, расположенных неподалеку от г. Юрьевец Костромской губернии. Дед философа, Иван Андреевич Флоренский, был сыном костромского дьячка; рано лишился отца, и одна из церквей костромской епархии взяла попечительство над мальчиком. Он окончил Луховское духовное училище, затем Костромскую духовную семинарию и был послан на казенный счет в Московскую духовную академию для продолжения образования. Академия была первой высшей школой России и одним из центров раз-

вития православного образования и церковной науки в Русской православной церкви. В те времена шла Кавказская война, и самых талантливых семинаристов отправляли учиться на врача. В 1836 г. несколько десятков учащихся костромской и двух сибирских духовных семинарий были отправлены на учение на медицинский факультет Московского университета. Среди них был Иван Флоренский; но решение о продолжении учебы в Военно-медицинской Академии он принял самолично. «Дед мой, – писал П.А. Флоренский, – блестяще окончил семинарию и был послан в Академию, но тут задумал, по любви к науке, уйти в Военно-медицинскую академию. Сам Митрополит Московский Филарет уговаривал его остаться и будто бы пророчил, что если примет монашество, то будет митрополитом. Но дед все же пошел по своему пути... Мне порою и является мысль, что в этом оставлении семейного священства ради науки - то о прѣтоѡ ψευδѡс (принципиальная ошибка - греч.) всего рода, и что пока мы не вернемся к свяществу, Бог будет гнать и рассеивать все, самые лучшие попытки».

Итак, череду поколений рода священнослужителей в Костромской губернии прерывает дед Павла – Иван Андреевич Флоренский, положив начало рода служителей науки, став военным врачом. После окончания Медико-хирургической академии при Московском университете И.А. Флоренский в 1841-1850 гг. служил батальонным лекарем в различных пехотных полках, а в 1851 г. был перемещен и приписан к Донскому казачьему полку. В течение шестнадцати лет, до самого окончания Кавказской войны, он являлся ординатором и главным лекарем военных госпиталей и лазаретов, расположенных в центре и на левом фланге кавказской линии. Последние годы своей жизни И.А. Флоренский служил на Кавказе, в станице Терского казачьего войска Ардонской, сначала полковым врачом Донского казачьего полка, а потом и главным лекарем Ардонского госпиталя. Во время эпидемии он врачевал

больных, солдат действующей армии и местных жителей, заразился холерой, умер и был похоронен в Ардоне.

Кавказ станет местом, где будут жить и работать потомки военного врача Ивана Флоренского, принявшего смерть на своем посту.

Потомки считают именно его родоначальником своей ветви.

А.И. Флоренский первым браком был женат на Анфисе Уваровне Соловьевой, из московского рода Соловьевых, с сильно развитой музыкальностью клинского рода Ивановых, среди которых было много художественных натур. Все эти способности генетически передались и их потомкам. В Тбилиси жила их правнучка, скульптор Марина Давидовна Иванишвили (скончалась в январе 2025 г.), внучатая племянница Павла Флоренского, которую генетическая память предков щедро одарила творческими способностями. Ее бабушка, Елизавета Александровна – сестра Павла Флоренского, блестящий психолог, педагог, потрясающий художник. Мама, Ольга Георгиевна Флоренская (Кониашвили) – театральная художница, график. В тбилисской Академии художеств ей преподавали Фогель, Лансере, Шарлемань, Какабадзе, Гудиашвили. Старший внук Павла Александровича Флоренского – Павел Васильевич Флоренский, академик РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, в апреле 2006 года, внемля завету своего деда, поехал в Ардон на поиски могилы прапрадеда, но не нашел ... На заметку в местной прессе о поисках могилы Флоренского откликнулся ардонский краевед и указал место его захоронения. На крышке надгробья сверху – изображение солнца, в центре – всевидящее око. Слева сверху – то ли крыло, то ли голубь, ниже – большой православный крест. С южной стороны – надпись большими буквами на всю поверхность: «Подъ симъ камнемъ покоится прах раба божія коллежскаго Советника Ивана Андреевича Флоренскаго». С северной стороны выбито: «Скончавшагося

Могила И.А. Флоренского

в 1865 году ноября 2-го дня на 50 году от рождения миръ праху твоему».

Отец Павла, Александр Иванович Флоренский, лишился матери, когда ему было немногим больше месяца. С отцом своим он жил очень мало, так как учился вне родного дома – сначала во Владикавказской классической гимназии, а потом перевелся в тифлисскую Первую классическую гимназию. Он был первым учеником, но его, вследствие истории с директором В.И. Желиховским, исключили из гимназии. Благодаря заступничеству общественного мнения ему не выдали «волчий билет»: позволили сдать экзамены экстерном и поступить в Институт инженеров путей сообщения императора Александра I в Петербурге. По окончании Института в 1880 г., он был назначен начальником одного из строившихся участков Закавказской железной дороги. Осенью 1882 г. его переводят в Тифлис, еще через пару лет А.И. Флоренский получает назначение на должность начальника дистанции Батумского отделения и переезжает с семьей в Батуми, где живет до 1894 г. В 1895-1899 гг. работает в системе Кавказского округа путей сообщения сначала в его Терском отделении, а затем занимается изысканиями по постройке мостов и дорог, связывающих Карскую область и Эриванскую губернию. В ноябре

1899 г. А.И. Флоренского переводят на службу по ведомству Министерства внутренних дел губернским инженером Строительного управления Кутаисского губернского правления. В это время он живет в Кутаисе, бывая наездами в Тифлисе. В 1903 г. А.И. Флоренский назначается техником по строительной и дорожной частям при Главном начальствующем гражданскою частью на Кавказе, будучи в то же время постоянным членом технического совещания при управлении Главного начальствующего заместителя его величества на Кавказе. Скончался А.И. Флоренский 22 января 1908 г. в разгар трудовой деятельности, будучи помощником начальника Кавказского округа путей сообщения, действительным статским советником, что давало ему потомственное дворянство, кавалером орденов Св. Станислава 3, 2 и 1 степеней. Под его руководством на Кавказе построены многие километры железнодорожного полотна, несколько мостов, станции и вокзалы.

Ощущение единства рода ведет за собой размышления о Павла об относительности границ личности и воспоминания о тех мгновениях жизни, когда это ощущение было наиболее острым, пронзало пространство и предвещало время. Такое воспоминание у Павла связано со смертью отца, которого П.А.

Флоренский навещал в Тифлисе во время болезни. Когда, по мнению врачей, опасность миновала, он вернулся в Сергиев Посад, где в то время учился: «Сажу раз у себя в комнате, за большим столом перед окном. Было светло еще. Пишу. Как-то утратилось сознание, где я нахожусь, забылось, что я далеко от Тифлиса и что я вырос. Рядом со мною, слева, сидит папа и внимательно смотрит, как это было нередко, когда я учился в гимназии, ничего не говорит. Было так привычно для меня, что я не обращал особого внимания, только

Павел Флоренский, внук П.А. Флоренского в Ардоне

чувствовал себя хорошо. Вдруг я сообразил, что я ведь не в Тифлисе, а в Посаде, поднял голову и посмотрел на папу. Вижу его вполне ясно. Он взглянул на меня, видимо ждал, чтобы я понял, что это он и что это удивительно, и когда убедился, то внезапно его образ побледнел, как бы выцвел, и исчез — не ушел, не расплылся, а стал очень быстро утрачивать реальность, как ослабляемый фотографический снимок. Через несколько часов я получил телеграмму, извещающую о кончине папы».

Продолжение следует

«ТЫ СУПЕР!»: КАК СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

■ Ханна ПЕНМАН

«Талантам надо помогать – бездарности пробьются сами», – говорил известный поэт и критик Лев Озеров и был бесспорно прав. Особенно, когда у таланта есть мечта, но жизнь, как тернистый путь к заветному бутону, тяжела, и нет времени на нее, мечту, ведь все думы только о том, как выжить.

Известный телевизионный российский проект «Ты супер!», который проводился при поддержке Министерства просвещения РФ, несколько лет помогал талантливым детям-сиротам попасть на сцену, петь и почувствовать себя артистом. Большим артистом. А ведь это совсем не мало. Заполучить все это – внимание, сцену, уникальную возможность выступить и завоевывать любовь зрителей – повезло трем замечательным девочкам из Грузии. Сегодня мы расскажем вам их истории.

НАЙТИ БРИЛЛИАНТЫ

Детское музыкальное телешоу «Ты супер!», в котором принимали участие дети, оставшиеся без попечения родителей – воспитанники детских домов, школ-интернатов и дети из приемных и опекунских семей в возрасте от 7 до 18 лет, стартовало на канале НТВ в 2017 году. А в декабре 2016 года начались отборочные туры. Они прошли не только в России, но и во всех

республиках бывшего СССР. Исключением не стала и Грузия, «поющая страна».

Конкурс «Ты супер!» проводился телекомпанией НТВ и международным информационным агентством и радио Sputnik, которому и поручили найти такие юные дарования – необработанные бриллианты, которые поют и мечтают о сцене. В Sputnik Грузия эту миссию взяла на себя Лиза Кантария.

«Но оказалось это совсем нелегко, тем более в условиях отсутствия дипломатических отношений и напряженной политической ситуации между Грузией и Россией, – вспоминает Лиза. – А надо сказать, я начала искать талантливых детей как раз в то время, когда в стране стали упразднять интернаты и детей размещали в домах семейного типа, так что ребят найти было очень сложно».

Целую неделю Лиза Кантария, звонок за звонком, должность за должностью, контакт за контактом, искала подходящих кандидатов для российского шоу, но они не находились. И она почти сдалась.

«Потом я вспомнила собственное голодное-холодное детство, 90-е, как я росла без отца, как мы с мамой получали гуманитарную помощь, вплоть до консерв и одежды. И подумала – а ведь кто-то до сих пор так и живет, – говорит Лиза. – И мне показалось, что именно я лишаю этих бедных, но талантливых детей шанса на мечту».

Позже, когда на финальном шоу первого проекта объявили о ежемесячной стипендии в размере около 400 лари, которая будет выплачиваться участникам до наступления совершеннолетия, Лиза поняла, что даже эта небольшая сумма была жизненно необходима детям, живущим в тяжелых условиях в Грузии.

«Я подключила «сарафанное радио», искала детей среди знакомых и друзей, в том числе через соцсети, звонила родственникам. Меня перенаправляли по десяткам районных муниципалитетов, социальных служб и т.д. Я спрашивала всех: «Может у вас есть знакомый ребенок, который хотя бы немного поет, но лишен родительской опеки? И вдруг он нашелся. Мальчик с особыми потребностями, который замечательно исполнял грузинские народные песни. Он, кстати, принимал участие в одном из грузинских телешоу. Мы поехали к нему в Гори, записали пробы, чтобы отправить запись экспертам НТВ. Но вдруг отец мальчика сказал, что не уверен, что шоу возьмет его сына, но по соседству, в селе Карели, живет его сестра – она педагог музыки в духовной школе и может помочь».

Так и случилось. Лиза Кантария с оператором поехали из Гори прямо в Карели и нашли педагога Манони Манагадзе, которая познакомила их с Наной Вардзелашвили, девочкой, представившей Грузию в первом сезоне проекта «Ты супер!».

Нана Вардзелашвили, действительно, тяжелая история жизни. Маму Наны унес из жизни трагический случай, когда ей не было и шести лет – женщину убили. Отец от дочери отказался. А родная бабушка, чтобы прокормить осиротевшую внучку, отправилась на заработки в Турцию, оставив Нану жить у соседей, которые за ней и присматривали.

НАНА

У 12-летней Наны Вардзелашвили, действительно, тяжелая история жизни. Маму Наны унес из жизни трагический случай, когда ей не было и шести лет – женщину убили. Отец от дочери отказался. А родная бабушка, чтобы прокормить осиротевшую внучку, отправилась на заработки в Турцию, оставив Нану жить у соседей, которые за ней и присматривали.

Нана была, как из старых грузинских советских кинофильмов, – красивая, скромная и безумно талантливая девочка, с голосом, как ручеек, журчащим и сильным, с волевым лицом и добрыми глазами, в которых угадывалась неумная сила и немного грусти.

Для Наны попасть на телевизионный конкурс в Москву было чем-то из области фантастики – она даже в столице Грузии никогда не бывала. А о поездке в Россию даже не мечтала.

На проект Нана Вардзелашвили взяла с собой фотографию покойной мамы, чтобы та «ее оберегала», и каждую репетицию держала снимок в руке.

Шоу «Ты супер!», по словам Наны, дал ей шанс осуществить детскую мечту – стать певицей. Мама бы мною гордилась, повторяла девочка. Ведь о вокаль-

Нана с Ирмой Сохадзе

Нана Вардзелашвили

ной карьере мечтала и сама погибшая мама. Первая классная руководительница Наны Нино Нозадзе вспоминала, что мама девочки, которая также была ее ученицей, очень хорошо пела, у нее были прекрасные данные, но из-за сложного финансового положения в семье она не смогла продолжить заниматься пением. И она мечтала, что ее дочка сможет осуществить ее мечту и стать певицей.

При этом Нана очень волно-

валась, что не знала русского языка. Но в итоге это ей не помешало, потому что переводчиков на проекте хватало. На одном из концертов слова жюри конкурсантке с русского на родной грузинский переводил певец Сосо Павлиашвили.

Конкурс стал для Наны Вардзелашвили ее настоящим дебютом, до него девочка даже не держала в руке микрофон. Наверное, именно поэтому во время кастинга в Москве Нана очень переволновалась, когда пела песню «Тбилисо», и не прошла прослушивание. Потом уже педагог девочки сказала, что после выступления Нана призналась, что на кастинге у нее внутри все дрожало, а сердце билось так сильно, что она не слышала даже собственного голоса.

Несмотря на то, что Нана не смогла пройти в следующий тур, девочка все равно получила максимум эмоций и опыта. Еще бы: репетиции, развлечения, занятия, экскурсии по Москве, известные артисты. Она получила возможность выступить в финальном гала-шоу на большой сцене и спеть легендарную «Тбилисо» с выдающейся певицей Тамарой Гвердцители. Нана была счастлива, что ей предоставилась возможность принять участие в конкурсе такого масштаба, который, по ее словам, сильно ее изменил.

«Это самые яркие, светлые и незабываемые моменты моей жизни. Во время проекта мне казалось, что я попала в сказку и все происходящее не может быть реальностью. «Ты супер!» – это реальная сказка», – говорила Нана в интервью Sputnik. – После смерти мамы дни, проведенные в Москве, стали первыми счастливыми и радостными для меня. После возвращения из России в Грузию моя жизнь как будто заново началась, сегодня я более счастливая и уверенная в себе. Многие узнают меня, хвалят, подбадривают, говорят теплые и приятные слова. У меня появилась надежда, что все наладится, все будет в порядке, несмотря на пережитое».

После проекта Нана Вардзелашвили продолжала брать уроки по вокалу, а еще заня-

лась изучением иностранных языков, в том числе русского. В этом ей очень помогла ежемесячная стипендия, назначенная по условиям проекта.

«Этот проект принес Нане столько доброты и уверенности. Она изменилась до неузнаваемости, и словами трудно передать эти изменения, – рассказывает нам учительница девочки Манони Манагадзе. – Она словно наполнилось жизнью и радостью. Нана меня часто спрашивала: «Учительница, как мне выразить вам всю благодарность, которая у меня к вам есть? Я отблагодарю вас, когда вырасту». А я ей отвечала: «Ты вырастешь, станешь прекрасной девушкой, создашь свою семью, это и будет для меня благодарностью».

Сегодня, по словам педагога, Нана уже взрослая: ей двадцать лет, она студентка и живет в Тбилиси. Правда, учится Нана не на музыканта и не на артистку, а на юриста. Тайное желание из-за трагедии матери помогать людям и защищать их от зла взяло вверх. Но музыка все равно остается в жизни девушки, и о проекте Нана всегда вспоминает с теплотой и любовью.

«Ведь шоу «Ты супер!» от начала до конца было создано для детей, – сказала нам ее педагог Манони. – Не важно, кто выиграл, а кто проиграл, тут каждая минута была направлена на добро, на помощь, поддержку, на радость, на то, чтобы настроение детей и то темное время, через которое они проходили, озарилось светом. Это на самом деле был невероятный проект, за что огромное спасибо его создателям и лично Лизе Кантария, которая нашла Нану».

ТЕКЛА

Участницей от Грузии в третьем сезоне шоу «Ты супер!» стала девятилетняя Текла Экаладзе. Ее тоже было найти не просто.

«Я опять действовала по той же схеме, – вспоминает Лиза Кантария. – Обзванивала соответствующие службы, задействовала «сарафанное радио». Реакция общественности на мои публичные поиски из-за

сложных отношений между Грузией и Россией была, мягко говоря, неоднозначной. При этом прием заявок подходил к концу. И вдруг в полночь мне звонит моя тетя: «Я вспомнила! У нас в храме есть одна женщина, Лали Имерлишвили, у которой умерла дочь, а до нее – зять. Она воспитывает внучку, которая прекрасно поет песнопения, а сама бабушка руководит хором».

История Теклы Экаладзе, действительно, оказалась невероятной: когда ей было три года, в море утонул ее отец, а через четыре года на ее глазах от аневризмы сосуда головного мозга скончалась мать, молодая, красивая, успешная женщина. Малышка перенесла огромный шок, ее психологическое состояние пошатнулось. Она долго не говорила, была очень замкнутой.

Да и бабушка Теклы поначалу отнеслась к идее отправить внучку в Москву на шоу недоверчиво, отмечает Лиза. «Как? Бесплатно? И билеты, и проживание, и питание?» – уточняла она, долго не веря в то, что кто-то может взять и просто сделать им такое добро.

Тем временем с Теклой записали пробы, отправили их на НТВ, и юную грузинку пригласили в Россию. Узнав об этом, девочка запрыгала от счастья. Уже в аэропорту она шептала бабушке, которая полетела с ней на шоу в качестве опекуна: «Там, в самолете, я приближусь к дому мамы в облаках».

Кстати, перед вылетом в Москву Текла пообщалась с Наной

Текла Экаладзе

Вардзелашвили, и та ей посоветовала не нервничать, думать только о песне и не отвлекаться на зал, софиты, камеры и жюри.

В полуфинале шоу «Ты супер! Суперсезон» Текла Экаладзе из Тбилиси выступила с песней «Сулико» и хитом Нино Катамадзе «Кучаши эртхел», однако тоже не смогла попасть в финал. У Теклы, по ее словам, были правда очень сильные соперники. Хотя все члены жюри нажали на зеленые кнопки, а зал поддержал участницу из Грузии аплодисментами. Но в целом проект все равно принес девочке просто непередаваемые эмоции и огромную веру в себя.

А еще в Москве Текла познакомилась с такими звездами, как Игорь Крутой, Елка, Виктор Дробыш, Диана Арбенина, Алексей Воробьев, Ираклий Пирцхалава и многими другими. К слову, Ираклий Пирцхалава даже пригласил Теклу и ее бабушку Лали в ресторан, чтобы познакомиться с ней поближе и узнать о ее планах на будущее. Потом Ираклий отвез Теклу на «Мосфильм» и познакомил с грузинскими и российскими артистами. Текла сделала па-

мятные фотографии с певицей Викторией Пьер-Мари, юмористом, одним из создателей и лидеров группы «Экс-ББ» Гией Гагуа, певцом Александром Ломия, бывшим солистом группы «Премьер-министр» Жаном Григорьевым-Милимеровым. А спустя некоторое время Теклу в числе других участников шоу «Ты супер!» пригласили в Санкт-Петербург на экскурсию. Девочка была очень счастлива. Увидеть такой красивый город – это тоже мечта.

«Это были самые сладкие, самые хорошие и счастливые минуты в жизни Теклы. И полученный тогда позитив в каком-то смысле до сих пор с ней, – рассказала нам бабушка Теклы. – Сегодня ей 15 лет. Она до сих пор поет, танцует и хочет начать брать профессиональные уроки по вокалу. Говорит, а вдруг начнется проект и меня опять пригласят. Она с удовольствием хотела бы еще раз принять участие в этом шоу».

По словам самой девочки, сейчас она усиленно занимается учебой и частенько вспоминает дни, проведенные на проекте. «Несмотря на то что я попала на проект совсем ма-

ленькой девочкой, – говорит она, – я очень хорошо помню, что мне нравилось все – от отношения ко мне всего персонала шоу и теплого общения с участниками до уроков по вокалу с замечательными педагогами. Это был суперопыт».

МАРИАМ

В четвертом сезоне международного вокального конкурса «Ты супер!» Грузию представила 15-летняя Мариам Бондаренко из Тбилиси. По словам Лизы Кантария, Мариам, как и ее предшественниц, она нашла с трудом, через знакомых врачей.

«Я обнаружила центр, который посещали дети из семей с серьезными проблемами. У некоторых дома не было еды, и они могли в центре пообедать. У других были иные проблемы. При центре работали различные кружки. Туда и ходила Мариам, которой до этого даже пришлось полгода пожить в интернате», – рассказывает Лиза.

А случилось это потому, что у отца Мариам в Гурии возникли серьезные психические проблемы, и даже находиться рядом с ним было опасно для жизни

Мариам Бондаренко

дочери и ее матери Екатерины Сирадзе. Они пережили в жизни много тяжелых моментов: Сирадзе стала жертвой семейного насилия, муж грубо обращался с ней. В итоге, не выдержав, она забрала ребенка и сбежала из дома. Тогда Мариам было всего семь лет. Сначала они были вынуждены на время перебраться к подруге мамы, а потом, к сожалению, в буквальном смысле остались на улице. И женщина отдала ребенка в интернат, пока сама с трудом зарабатывала на кусок хлеба. Это уже позже Екатерина поняла, что решение оставить Мариам в детском доме «SOS» было самым трудным в ее жизни. Мама и дочь до сих пор с болью вспоминают об этом периоде.

«Они жили в сложных условиях, — говорит Кантария. — Конечно, это отразилось на психологическом состоянии Мариам, и очень сильно. Через 6 месяцев маме девочки удалось найти хоть какую-то малооплачиваемую работу, она смогла снять комнатку, минимально ее обустроить, и забрала дочку из интерната».

Узнав, что она сможет участвовать в международном вокальном конкурсе «Ты супер!», который дает шанс талантливым детям, оставшимся без попечения родителей, заявить о

себе и покорить большую сцену, Мариам была очень рада. Для нее это стало шансом исполнить главную мечту — стать успешным и популярным человеком, чтобы иметь возможность помогать себе, родным и близким.

А еще Мариам хотела, чтобы мама ею гордилась. «Она делает для меня все, что в ее силах, — говорила девочка. — Мама — мой главный друг и мое главное богатство. Я считаю, что голос мне достался от нее. Она пела в детстве, причем очень хорошо. Мои вокальные данные заметила тоже мама. Я пела с малых лет, а уже лет с шести стала задумываться о музыке всерьез. В будущем хочу исполнять и классику, и эстрадные песни».

Для Мариам это был первый масштабный конкурс в жизни. Собираясь в Москву, девочка очень волновалась, ведь она тоже не знала русского языка. Но сцена стерла все сомнения, оставив только наслаждение моментом.

«Когда я стояла на сцене, то чувствовала себя звездой, говорила мне Мариам, — рассказывает Лиза Кантария. — Она исполняла песню Рианны «Diamonds» и, по ее же признанию, представляла себя такой же сверкающей, как эти драгоценные камни».

Несмотря на то, что Мариам

прошла во второй тур, но не попала в финал шоу «Ты супер!», она пообещала всем и, главное, себе — продолжить петь и вернуться в проект в будущем. Тем более одна из членов жюри, Диана Арбенина, сказала ей такие слова: «В тебе есть страстный огненный темперамент и абсолютно распахнутое, открытое сердце, и это поможет тебе стать певицей, если ты захочешь».

Вспоминая участие замечательных девочек из Грузии в шоу «Ты супер!», Лиза Кантария отметила, что этот проект был важен для них не только потому, что дал им какую-то финансовую гарантию хотя бы до наступления совершеннолетия, что тоже немаловажно, но заставил их поверить в себя и в чудо.

«Проект оживил их, вернул им радость, уверенность. И, что самое главное, я увидела в их глазах (а я видела их глаза до и после проекта) какую-то искру, словно загорелась звездочка. Поэтому я уверена, что у этих детей обязательно все будет хорошо. Прежняя установка — «я сирота, я бедная» — изменилась. Они осознали, что можно быть успешными и сверкать, блистать, как бриллианты».

ТБИЛИСИ – ДОМ НАШ НЕБЕСНЫЙ

■ **Манана ГЕДЕВАНИШВИЛИ**

Перевод с грузинского Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

*На всем белом свете не сыщешь
мощного, нежного края,
Тифлису подобного.*

Сосо Гришашвили

Тбилиси – один из древнейших городов мира. «Все лучшее – в древности», – сказал французский философ Рене Гено. Особая топография, взаимовлияние различных культур, быта и этносов, совокупность многовековой истории создали своеобразный город, где азиатская и европейская архитектура воспринимаются естественной, живой целостностью. В старейших районах Тбилиси, Кала и Сейдабаде, образовался характерный только для Тбилиси полувосточный-полуазиатский архитектурный стиль, который стал результатом взаимовлияния распространенных в Тбилиси «дарбази» (строений с деревянным ступенчатым куполом в центре), «баниани сахли» (домов с плоской кровлей), домов

с балконами и, позднее, европейских домов. До революции восторженные путешественники часто называли богатый и красивый город «Парижем Востока». Солико Вирсаладзе сказал как-то: «Стамбул – самый красивый город мира, но Тифлис до революции был еще красивее».

С незапамятных времен грузины свою столицу называли «калаки» («город»), Тбилиси для них был просто городом, неповторимым и единственным. Подобно древним римлянам и грекам, для грузина город нечто большее, чем просто комплексы домов: «Полис изначально не скопление жилищ, а место общественных собраний, пространство, отведенное для гражданских дел... Synoikismos

– это памятный след готовности жить вместе: сожителство – в его двойном, физическом и юридическом, значении. Город – это сверхдом, это преодоление дома, людского логова, создание новой структуры, более абстрактной и сложной, чем семейное oikos. Это республика, politeid, которая складывается не из мужчин и женщин, а из сограждан» (Хосе Ортега-и-Гассет).

Такая точка зрения обязывает гражданина защищать древнюю столицу – материальное и духовное сокровище нации. Поэтому волнение, вызванное строительством, начатым в исторических районах Тбилиси, вполне логично. Дом, улица или район, составляющие историческое ядро Тбилиси, принадлежат всем горожанам, одинаково важны и незаменимы для всех, вне зависимости от того, в каком районе живет человек – в новом, старом или пригороде. Исторический Тбилиси – тот «над-дом», с которым мы все соприкасаемся; приведем сюда детей и внуков – в музей,

Замок Раккониджи. Архитектор Гварино Гварини

театры, на концерты или просто погулять и отдохнуть. Воздействие исторического города на духовное, интеллектуальное развитие граждан одинаково для тбилисцев, проживающих на ПLEXANOVA или в Варкетили, на МТАЦМИНДА или в ГЛДАНСКОМ массиве. Пока существует этот оазис, тбилисцу не грозит вырождение.

Вахушти Котетишвили выразил мнение широкой общественности, когда сказал: «Я не тот ариф, который не понимает веяния времени, хорошо знаю, что время многое перемелет, что все меняется, и, так сказать, развивается, воды притекают и утекают, а песок остается. Я о том жалуясь, что от того моего Тбилиси и этого песка не останется»...

Действительно, все понимают, что процессы урбанизации сложно остановить, но дело в том, как и где мы строим. Учитываем ли опыт цивилизованного мира? Вспомним, как развивались эти процессы в

Европе, начиная с эпохи Высокого Ренессанса, на примере строительства трех главных городов мира: Рима, Парижа и Лондона. Ренессанс, как известно, основывается на античном искусстве, готических традициях Средневековья, восточных влияниях, покровителях, которые способствовали его возникновению и, конечно же, художникам. Главное, что тогда проявилось: верность архитекторов и заказчиков определенным строительным традициям, ощущение непрерывности исторического развития.

В Риме периода позднего Ренессанса папы римские принимали деятельное участие в градостроительстве. Папа Юлий II, которого прозвали «восстановителем города» («Restaurator urbis»), был первым, кто задумал оживить Рим после Средневековья. Он начал реконструкцию Рима за пределами его средневекового центра, близ Ватикана, на не населенном участке земли. Юлий II завершил обустрой-

ство одной из магистральных улиц Рима – Виа Тринитати. На плане города, составленном Леонардо Буфалини в 1551 году, видно, что эта улица пересекает все еще не населенный район города и заканчивается у подножия горы. Во время правления папы Сикста V впервые была спроектирована и претворена в жизнь сеть транспортных коммуникаций современного большого города. Сикст V также оставил в неприкосновенности средневековый Рим, не начав «переделки» и «исправления». Он усвоил все, что было сделано его предшественниками, и у него хватило мудрости объединить созданное ранее и намеченные пути дальнейшего развития города. Во времена его правления архитектор Доменико Фонтана начал использовать многообразные топографические условия Рима с целью «порадовать чувства людей». Перед своими резиденциями и всюду, на пересечениях улиц, Сикст V предусмотрел большие,

План Рима, составленный Леонардо Буфалини

не населенные участки земли, которые бы пригодились для дальнейшего развития района. В Риме к этому периоду сформировался стиль барокко, который связан с именами римских архитекторов Франческо Борромини и Гварино Гварини. Как и все великие архитекторы, они тоже сохранили связь с историческим прошлым во всех его эстетических проявлениях. Барокко вскоре распространилось во всей Европе, а в Риме этот стиль до сих пор доминирует над другими и определяет его облик. Архитекторам позднего барокко свойственна великолепная способность владения внешними пространствами. Они ясно представляли себе связи, которые существовали между различными зданиями, между зданиями и природой. Их решения сохраняют свою ценность даже после того, как было сформировано новое общество и возникли новые условия. В XVIII веке Джузеппе Валадье стал первым итальянским архитектором, кто научно обработал вопросы городского планирования, связал их с проблемой сохранения природных ландшафтов и обосновал необходимость их использования.

Реконструкцию Парижа Наполеон III поручил самому известному градостроителю XIX века барону Осману. Тот решил создать Парижу богатое обрамление и оставить в неприкосновенности его историческую часть. Считается, что знаменитую парижскую улицу Риволи он провел с площади Конкорд таким образом, что не тронул ни одного старого дома. Осман

разбил в Париже сеть широких улиц, но при этом он руководствовался санитарными и политическими соображениями. Поэтому он коснулся только тех кварталов Парижа, где улучшение санитарных условий было невозможно. Из этих мест он перенес рабочий поселок на

окраину города и создал целый ряд известных зданий. Также выбрал свободное пространство в западной части столицы Франции, где можно было планировать новый район. С площади Этуаль по направлению к Елисейским полям Осман провел двенадцать улиц. В тот период Елисейские поля выходили на окраину города, а в 1900 году район уже принадлежал Парижу.

А Лондон, как известно, развивался совершенно нерационально. В отличие от Парижа в Лондоне не существует осей, определяющих направление. Зато маленькие районы служат защитой от огромного города, который превысил человеческие масштабы. В XIX веке лондонская буржуазия строила дома, обеспечивающие комфорт и уединение. Основным элементом градостроительства был дом для одной семьи –

Церковь Сант-Иво-алла-Сапьенца. Архитектор Франческо Борромини

Террасы Монте-Пинчо в Риме. Архитектор Джузеппе Валадьё

верхних слоев среднего класса. В северной части Лондона на свободных землях Джон Нэш построил великолепные дома с земельными участками и зеленым покрытием. В сегодняшнем Лондоне, который строго следует своему стилю, главное, что требуется от планирования города, – это единый орган управления, который не допустит расчленения территорий на мелкие частные владения.

В первой половине XIX века развитие европейской архитектуры шло от классицизма (продолжение позднего барокко) к ретроспективно-эkleктическому направлению. Эта архитектура, которая в определенный период стала предметом критики, сейчас считается неотъемлемой частью общего исторического процесса развития культуры. В 1890-х годах возник новый стиль, «модерн», и существует мнение, что это последний «великий стиль» в архитектуре. Но все, что было создано в XIX веке, авангардистские концепции XX века назвали «амо-

ральной» архитектурой. Начался поиск т.н. «чистых» форм в архитектуре, что разрушило многовековые представления человека о подходящем жилье и создало основу «новаторским» идеям «современной» архитектуры.

Великий американский архитектор Фрэнсис Ллойд Райт, в противовес этим концепциям, рассматривал архитектуру как трехмерное объемно-пространственное искусство и призывал к установлению тесной связи с природой и максимальному использованию возможностей и своеобразия естественной среды. Райт негативно относился к росту плотности городского населения и многоэтажным домам. По его мнению, нужно было ввести строительство домов за городом. Свои шедевры, известные виллы, построенные у подножия гор в углублениях склонов, Райт гармонически совмещал с рельефом. Он говорил: «Гора или холм так должны окружать дом, как бровь огибает глаз».

Развитие европейской части Тбилиси стало зависеть и от процессов, начавшихся в русской архитектуре. В начале XX века в Петербурге и Москве вместе с авангардистским течением возникло и такое направление, которое воспрепятствовало ему. Оно называется «неоклассицизмом» – в знак того, что эта архитектура обращается к классическому наследию: античности, Ренессансу, русскому классицизму. Возникновение неоклассицизма было основано на обостренном чувстве самосохранения культуры. Неоклассицизм стремился не только к консервации старых достижений, но и выведению культуры из кризиса, восстановлению вечных художественных ценностей. Архитекторы неоклассицизма создали не только шедевры дворцов, вилл, жилых домов, предназначенных для богатых слоев общества, но и рядовые многоквартирные жилые дома, банки, великолепные здания для торговых фирм. Неоклассицизм осуществил «связь

Улица Риволи в Париже

времен» между прошедшим и будущим: его тенденции оказывали влияние на архитектуру и после мировой войны. Нужно отметить, что уже с 90-х годов XX века архитекторы разных стран считают необходимостью возвращение к неоклассицизму. Естественно, они не отрицают использования современных материалов, что началось еще с XIX века. В неоклассицистических строениях используют композиционные приемы, где рациональная структура и твердый железобетонный каркас «облагорожен» путем введения классических декоративных элементов и даже использованием целых классических «цитат».

Теоретики постмодернистской культуры подчеркивают необходимость соединения модернистского, ультраавангардистского искусства и классики (Ханс-Георг Гадамер, Чарльз Дженкс). Зураб Карумидзе называет это направление «трансавангардным».

Что касается Тбилиси, он столько раз был разрушен на

протяжении веков, что из памятников светской архитектуры, построенных до XVIII века, почти ничего не дошло до нас. Зато внешний облик Тбилиси периода XVIII века многие ученые изучали на основе планов, составленных Вахушти Багратиони, Александром Пишчевичем и др. Его подробно описал Мамиса Бердзенишвили. Вот, что мы читаем в его труде: «Вся территория Тбилиси к XVIII веку состояла из трех основных частей: 1. Непосредственно Тифлис, Сейдабада – старейший район. 2. Кала – центральная часть. 3. Исани, Авлабар. Город был окружен стеной, которая имела шесть ворот. Одни ворота были в Авлабаре, остальные пять – на правой стороне Куры, «Водяные ворота», «Дигомские ворота», «Коджорские ворота», «Гянджинские ворота», «Баньные ворота». Территория Тбилиси в XVIII веке распространялась также к северу и западу от городской стены. Вся территория за пределами городской стены называлась «Гареубани»

(«окраина»). От «Водяных ворот» к Кала шла главная улица (сегодняшняя Шавтели), где находились лучшие здания города – кафедральный собор Анчисхати, царский дворец, дворцы царевичей, а также резиденции католикаса и епископов. Царскую резиденцию на эту улицу перенес царь Ростом. Его знаменитый дворец описан путешественником Шарденом. Здесь же был разбит большой царский сад. Царь Ростом построил и мечеть «... во дворе своем» (Вахушти). Эта часть Кала – Верхний район, была, в общем, грузинским районом, где, в основном, проживали коренные тбилисцы и аристократия – здесь находились дворцы Зураба Арагвского Эристави, Абашидзе, Ксанских Эристави, Гедеванишвили, Цицишвили. От площади Ираклия II до Татарской площади в один ряд располагались торговые ряды – Раслабазар. В этом районе располагались сараджхана (мастерская шорников), две сираджханы (винные лавки), перекрытый

Королевский павильон. Брайтон. Архитектор Джон Нэш

базар с куполом – чорсу: тут, в отличие от других базаров, рядом друг с другом работали торговцы различным товаром и мастера разных специальностей. У Татарской площади находились нижняя базазхана (магазин тканей) и зарапхана (царский монетный двор), а верхняя базазхана располагалась у площади Ираклия II. В одном из протоколов Ираклия II, датированном 1796 годом, сказано: «В духанах, что были на площади нашего дворца, где сидели мастера-башмагчи, кузнецы, слесари, оружейники, мечахмахе (мастера, чинившие курки оружия), все они должны сидеть там же, каждый должен устроить свою лавку». Из этого документа видно, как царь старался, чтобы строй жизни граждан не нарушался, не менялась привычная для людей среда. Ираклий II уделял большое внимание строительству и защите прав граждан. Культурное отношение к городу исторически формировалось на протяжении веков и укоренилось в грузин-

ском государственном мышлении, что характерно для цивилизованной страны. Каким тяжким уделом было для Ираклия царствовать в Грузии тех времен, и как он прославился за пределами страны, известно: «Кто не

слышал какую речь произнес Фридрих Великий? Великолепной личностью этого времени являюсь лишь я один, второй – Ираклий. Российская императрица Екатерина II в своей переписке с Вольтером говорила

Дом над водопадом. Архитектор Фрэнсис Ллойд Райт

Тифлис. Авлабар. Винный подъем

об Ираклии, как об отменном воине. Персы и османцы называли его «Львом, сорванным с цепи», и боялись, чтобы после смерти Надир-шаха он не занял персидский престол» (Дмитрий Бакрадзе, предисловие к «Калмасоба», 1895 г.). В тот труднейший для Грузии период Ираклий II не забывал про свою столицу и считал первейшей государственной обязанностью заботу о ее внешнем облике. Городская власть тех времен была представлена Тифлисским моурави (управляющим), он сам лично подбирал второстепенных чиновников. Какой значительной была эта должность видно из того, что в конце XVIII века ее занимал зять Ираклия II, князь Давид Цицишвили, который был женат на дочери царя – Мариам. В документах времен правления Ираклия II отражен не один факт заботы власти о благоустройстве города. Существует документ, датированный еще 1769 годом, откуда видно, как старается власть Тифлиса, чтобы при покупке земли одним человеком, как можно меньше усекалось владение жителей по соседству. Власти требовали, чтобы, к примеру, духаны на Татарской площади были построены в одну линию, запрещали неровное строительство зданий, заботились о защите городской стены и ее ремонте. При обвале этой стены, проживающие поблизости горожане были обязаны общими силами восстановить ее, но зачастую

Тифлис. Майдан и Метехский замок

сам царь выделял средства для ремонта. В Тбилиси городской собственностью были т.н. общинные улицы, и прорубить на этих улицах дверь было правом любого тбилисца. Но городское правление и на частных улицах

распространяло свои права, чтобы найти удобные пути для граждан.

Последний царь Грузии Георгий XII в первую очередь также заботился о восстановлении архитектурного наследия Тбилиси и Мцхеты. «Пусть останутся в неприкосновенности разрушенные палаты старых царей и католикосов. Постараюсь, – сказал царь, – восстановить их одновременно в том виде, в котором они были» (Платон Иоселиани «Жизнь Георгия XIII», 1936 г.). Георгий XII принимает единственно правильное, культурное решение – пока у государства нет средств, разрушенные «палаты царей» и «католикосов»

должны быть законсервированы, а в будущем царь постарается восстановить их «как были», т.е. произвести их реставрацию.

Окончание следует

Александра Урсуляк

«ИМЕННО СЕЙЧАС ПРИШЛО МОЕ ВРЕМЯ»

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

У нас в гостях – ведущая актриса Московского театра имени Пушкина, двукратный лауреат театральной премии «Золотая маска» и кинопремии «Золотой орел» Александра Урсуляк.

– Ваш папа – знаменитый кинорежиссер. Но он не рассмотрел в вас в юности артистку...

– Бедный папа, он уже начал переживать: «Ты во всех интервью говоришь так, будто я тебя в подвале со стянутыми

скотчем руками держал, чтобы ты только артисткой не стала». В общем, он получает за то, что отговаривал меня в свое время. Хотя я его хорошо понимаю. Во-первых, с его точки зрения, зачем все это надо? Бегать без

зарплаты с голой попой? Кто хочет своему ребенку такой судьбы? Он сам бегал-бегал и, слава богу, соскочил с этого поезда. Но у многих артистов судьба такая, что не позавидуешь. И во вторых, как вообще можно понять, твоя дочь артистка или не артистка? А если не артистка? Тогда ей это станет в тягость, ничего не будет получаться. Он не хотел этого. Делал ставку на проверенные профессии со стабильной зарплатой – экономист, бухгалтер. Но пока не попробуешь – ничего не узнаешь. Поэтому у папы не получилось меня остановить. И не получилось не только со мной, но и с моей сестрой Дашей Урсуляк, которая тоже пошла по кривой дорожке и тоже стала артисткой. Он не то что не верил в нас, просто очень волновался. Когда ребенок стоит над пропастью и хочет сделать шаг, не у всех хватит стойкости не крикнуть: «Не надо! Остановись!»

– У вас никогда не было комплекса по поводу того, что отец рано оставил вас?

– Это не комплекс, а травма. Меня никто не бросал, в моей жизни оба родителя присутствовали. Но в детстве мне не хватало того чувства, когда по левую руку мама, по правую папа, и вы куда-то вместе идете, потому что вы – семья. Хотя здесь мне было все понятно – эта история про папу с мамой. Вопрос счастья каждого из них тоже волнует ребенка. Я понимаю, что папа обрел свое счастье, но не знаю, получилось ли это у мамы. Всегда за нее переживала, и ее рана была и моей тоже. Хотя вроде я ни при чем.

– Между вами и Дашей существует актерская конкуренция?

– У нас конкуренция, как у всех сестер. Понятно, что папа любит нас обеих, но мы разные по психофизике и по возрасту. Я старше на шесть лет, но у Даши сила духа мощнейшая, в этом я, безусловно, проигрываю. Даше всегда хочется быть наравне со мной, ее ужасно раздражают эти шесть лет. Она все время меня догоняет. Кажется, что, когда я выйду на пенсию, Даша расстроится, что я раньше это сделала. Восхищаюсь ею, она может много такого, чего не могу я. Она и профессионал

С отцом Сергеем Урсуляком

большой, умная – интеллектуальнее меня. Даша всегда железная леди, а я только периодически. Я рада ее успехам и карьерным, и личным. А с точки зрения кино шесть лет – большая разница. Одно дело – мыщем артистку 30-35, другое – 40-45 лет. Мне уже не предлагают роли 35-летних героинь. Да и самой неинтересно играть 35-летних людей, их проблемы меня уже не волнуют.

– В последнее время в кино часто играете роли мам...

– Но я никогда не была романтической героиней. Вообще не очень подходила под все эти амплу, еще с института. Меня вначале определили как инженю. Но судили по внешности, а характер у меня совершенно другой. Роман Ефимович Козак, мой учитель, не любил слащавых героинь, ему нравились девочки с «перчиком». Мне повезло, что я попала к нему в Театр Пушкина, я сыграла много замечательных ролей под его художественным руководством. Но вот в кино мне было трудно в молодые годы, потому что, если есть запрос на молодую героиню, она должна быть такой тургеневской девушкой. А у меня всегда то ли грусть в глазах, то ли скепсис, то ли еще что-то ненужное. Какой-то я непростой персонаж. Сейчас, сла-

ва богу, герои стали сложнее, объемнее, многограннее, и поэтому понятие амплу размывается. Иногда смотришь и думаешь: «Неужели это тот самый артист? Он здесь делает что-то совсем неожиданное». Нынешнее время в этом смысле для нас очень счастливое. Поэтому переход к ролям мам и более возрастных женщин не был для меня драматичен. И, кроме того, я зашла на огромное поле, где работы очень много. Чувствую себя вольготней и думаю, что именно сейчас пришло мое время.

– В автобиографическом фильме Владимира Грамматикова «Смотри на меня!» вы сыграли маму режиссера...

– Владимир Александрович увидел меня в мюзикле «Кабаре» Театра Наций. Получив от него сценарий фильма и увидев, что его написал Андрей Кончаловский, я уже впечатлилась. И сценарий действительно оказался прекрасным, и предложенная роль не хуже. Потом я узнала, что это автобиографическая история. И она на меня произвела необыкновенное впечатление. Я была готова проходить пробы, доказывать свое право сниматься в этом фильме. Но Грамматиков пригласил меня на встречу в кафе и там открытым текстом сказал: «Я очень хочу, чтобы именно вы играли мою маму». Владимир Александрович очень долго шел к этому фильму. И, насколько я знаю, не сразу все складывалось, и только через несколько лет у него получилось найти нужных людей, сформировать команду и приступить к работе. Вообще, Владимир Александрович меня восхищает. Вы бы видели, как он в своем возрасте запрыгивал в поезд! Он в такой прекрасной форме!

– В роли мамы вы появились еще в одном новом семейном проекте – в сериале «Последний богатырь. Наследие». Не сложно было входить в слаженный коллектив большой франшизы?

– Я нормально отношусь к тому, чтобы быть новенькой, позвали так позвали. Но не только я вошла в эту вселенную. Со мной вошли еще Юлия Пересильд, Дмитрий Лысенков, молодые

актрисы Арина Рожкова, Эвелина Мазурина. Режиссер сериала Антон Маслов – тоже новичок в проекте. Съемки произвели на меня большое впечатление. Всем почему-то кажется, что сказка так и снимается – по-сказочному. А на самом деле все ровно наоборот. Чем кино сложнее постановочно, технически, чем больше в нем спецэффектов, тем сложнее актеру. Одна сцена снимается по два-три дня. Задействовано огромное количество массовки, работников на площадке, выстроен целый город в павильоне. На площадке то жара, то снег и холод – очень сложный съемочный процесс именно потому, что это блокбастер, сплошной спецэффект. В таком технически нашпигованном проекте я никогда раньше не принимала участия. Мне было в новинку, и я училась у своих коллег, которые давно работают в этом жанре. Например, у Елены Яковлевой – Бабы-яги. Ей постоянно приходится сниматься в пластическом гриме. Она, конечно, актриса советской закалки, я на нее смотрела с восторгом и сочувствием. Сложно представить себе, каково это

Спектакль «Набаре». Театр Наций

– на протяжении тридцати смен пить через трубочку.

– В мюзикле «Кабаре» вы играете Салли Боулз, в старом фильме ее играла Лайза Миннелли. Как вы рискнули конкурировать с ней?

– Такой же вопрос мне задавали, когда я играла Джульетту: «Вы вообще смотрели фильм Дзеффирелли? А Яковлеву, а Бабанову видели в этой роли?» Фильм «Кабаре» с Лайзой Миннелли смотрели все. А сколько еще прекрасных артисток играли Салли на Бродвее! Роль позволяет быть очень разной, и все играли ее по-своему. И если оглядываться на все это, то ты не сможешь ничего сделать. В моей профессии волков бояться – в лес не ходить. Режиссер Писарев мог же позвать кого-то другого? Мог. Но позвал меня, и я постаралась его не подвести.

– При такой большой загруженности в театре и кино, имея троих детей, как вам удается так замечательно выглядеть?

– Если вы спрашиваете про усилия, которые я для этого прилагаю, то отвечу так: вообще не

прилагаю. Очень хочу пойти к косметологу, идти надо, пора, но не могу, не успеваю. Не подумайте, что я никогда не ходила к косметологу. Просто немного опасаясь, что мое лицо будет ненастоящим. Да, мой лоб очень подвижный, но ботокс делает лицо неестествен-

ным. Так что я решила пока ничего серьезного не делать. Мне нравится зарядка для лица, она хорошо убирает излишнюю подвижность и морщины. И на фитнес надо ходить. Но на все это у меня не хватает времени. Много делаю дома. У меня есть и дорожка, и эллипс, и ган-

Виктория Исакова, Евгений Писарев и Александра Урсуляк

«Смотри на меня»

«Последний богатырь»

С дочерьми

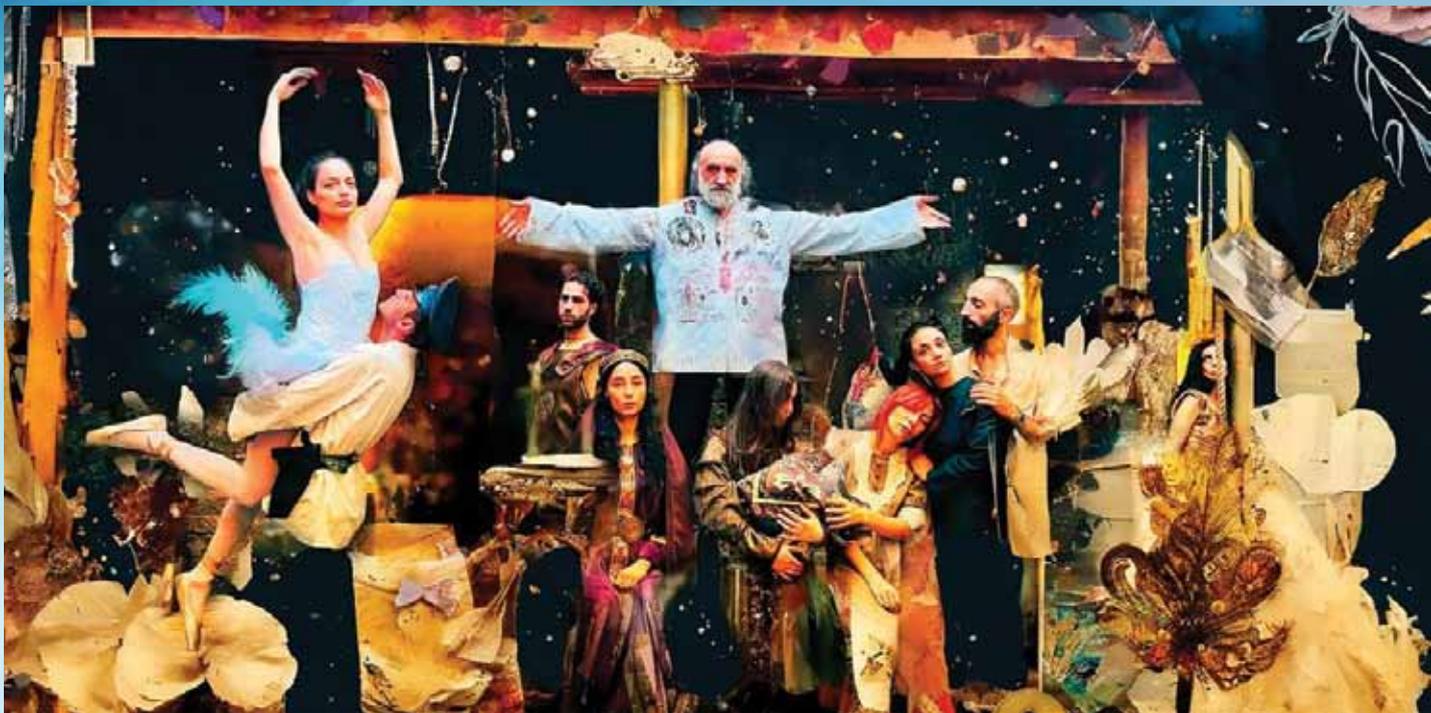
тели – весь фитнес-клуб. Мой любимый тренажер – эллипс. Утром я просыпаюсь, беру литр воды и иду на нем заниматься. И пока в телефоне ковыряюсь, всем отвечаю, пока мозги собираю в кучу, все эти полчаса я на эллипсе. Причем занимаюсь в спортивном костюме, который подарила мне моя мать, то есть голышом. Хорошо, что меня никто не видит, к этому времени все уже уходит по делам, и дома только я на эллипсе с телефоном и водой. Как говорится, слабонервных просим отойти от экранов. Вы смеетесь, и мне очень приятно. Потому что я недавно подготовила стендап-концерт «Хорошие песни», где шучу о себе, пою песни и танцую. Очень рада, что попробовала себя в таком смешении жанров, где я с юмором рассказываю о своей жизни и перемежаю это важными для меня песнями. Чувство юмора меня всегда спасало. Главное – относиться к себе и к окружающим с юмором.

– Отец на первую вашу свадьбу написал пожелание на открытке: «Поздравляю с первым браком!» Правило «один муж до гроба» перестало быть правилом?

– Поколение наших бабушек, я сейчас про абстрактных бабушек говорю, многое вытерпело, потому что разводиться было некрасиво и немодно. Принято было терпеть этого «козла», который опять «нажрался» и еще и побивает тебя. Такое время было. Но нельзя бесконечно терпеть. Я за осознанность в отношениях. Если ты не знаешь, кто перед тобой и что ему нужно в жизни, как ты можешь удовлетворить потребности этого человека? Точно так же и он – сидит, смотрит на тебя и понятия не имеет, что тебе нужно для счастья. А как было бы хорошо, если бы мы просто разговаривали и доносили друг до друга свои мысли.

– Как вы думаете, ваш нынешний муж, Андрей Розендент, навсегда?

– Я не знаю. Думаю, мы с ним будем ровно столько, сколько захотим. И пока нам нравится наша жизнь.

Сцена из спектакля «Возвращение»

ПАРАДЖАНОВ – КОНСТАНТА ВЕЧНАЯ И БЕСКОНЕЧНАЯ

■ Екатерина МИНАСЯН

Если соединить в одной точке прошлое, настоящее и будущее, то можно получить бессмертие. Но получить не сразу. А в определенной последовательности. У всего в этом изменчивом мире свой черед.

Вначале на свет родится гениальность. Родится в одном из тбилисских дворов. С круглым бассейном, фонтаном и коврами, перекинутыми через перила деревянного балкона. Гениальность явится в образе мальчика. И поселится на верхнем этаже. Двор будет добрым, дружным и шумным. Тбилисские дворы другими и не бывают. Шумно в нем будет от многоголосья населяющих его людей самых разных национальностей. И это тоже обязательная составляющая. Мальчик будет расти, впитывая обертоны этого тбилисского эсперанто, считывая мифологические тексты и соединяя частицы из разных миров в общую матрицу. Он будет расти, преобразовывая окружающий мир в свой собственный художественный код. Пока в

один прекрасный день мир не заговорит о нем, как о великом творце Сергее Параджанове. О творце с уникальным кинематографическим языком, лишенным словесной формы, и от того похожим больше на живопись.

Параджанов объединит настоящее с прошлым, опираясь в своем повествовании на искусство эпохи Возрождения и черпая вдохновение в персидских миниатюрах. И опередит время, создавая видеоклады и коллажи, которые с каждым годом будут становиться все актуальнее.

А его искусство (если бы он знал, хотя кажется все знал, недаром же называл себя то ли в шутку, то ли всерьез гением), схожее с фантастическими сновидениями, будет служить неиссякаемым источником вдохновения для сотен тысяч людей по всему миру.

АМАРКОРД И АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

«Возвращение» – так называется спектакль, в котором

сходятся герои из сценариев Сергея Параджанова. Режиссер написал свыше 20-ти сценариев, по которым так и не было снято фильмов. Не дали снять: режим, условия, судьба... Ну, разве что один съемочный день по его последнему сценарию «Исповедь», который, как предполагалось, должен был стать автобиографическим. Но и его завершить не удалось. К тому времени он уже был тяжело болен.

В «Возвращении» сходятся персонажи из сценария «Исповедь», где рассказывается о детстве режиссера, и герои истории об армянском царе «Аре Прекрасном», в которого была влюблена царица Семирамида.

Идея объединить героев в один спектакль принадлежит художественному руководителю и режиссеру Ереванского государственного театра пантомимы Жирайру Дадасяну. Спектакль родился прошлым летом и был сыгран на ереванской сцене всего пару раз.

Хотя слово «сцена» тут можно использовать скорее условно. «Возвращение» играли во дворе дома-музея Сергея Параджанова. Такая задумка объясняется тем, что, во-первых, действие в «Исповеди» требует именно такой сценографии. А во-вторых, трудно найти место более органичное для такого спектакля, чем то, где обитает дух великого мастера. А он там обитает безусловно – любой, побывавший в музее Параджанова, это подтвердит.

Премьера спектакля состоялась в августе. Его играли потом еще несколько раз, пока погода позволяла играть под открытым небом. И предполагали возобновить показ с наступлением весны. Но зимой поступило приглашение из Тбилиси. И театр пантомимы отправился играть «Возвращение» на родину маэстро. «Возвращение» показали в закрытом, стилизованном под тбилисский двор помещении Дворца торжественных обрядов. Двор почти натуральный: с растущими перед домом деревьями, резными, увитыми плющом балконами и убегающей на второй этаж винтовой лестницей. В отведенное по сценарию время во дворе самым естественным образом пошел дождь. Капли летели из стеклянного купола, что венчает двор и с шумом падали на брусчатку. И навевали самую что ни есть настоящую грусть. Было в этой грусти место и сожалению о том, что нет в живых уже и владельца Дворца обрядов, бизнесмена Бадри Патаркацишвили, решившего увековечить память о дворе, в котором некогда родился, этой постройкой. И тому, что «Исповеди» великого режиссера, в которой он попытался вернуться в детство для того, чтобы понять про себя что-то важное, было не суждено быть снятой на пленку.

Теперь у каждого творца собственное видение параджановского «Амаркорда». И оно либо совпадает с твоим собственным зрительским, либо нет.

Героиня по имени Вера из спектакля, поставленного Дадасяном, которой суждено уйти из жизни совсем юной, кажется именно такой и была бы у

Параджанова. Ты веришь ей беспрекословно. И вовсе не потому, что девочка болеет туберкулезом, и ты посвящен в содержание сценария. А потому, что в огромных глазах ее читаются неизъяснимая скорбь и предопределенность.

Кажется, в театре пантомимы вообще играть сложнее, чем в любом другом. За словами можно спрятаться. А здесь из тебя торчат оголенные провода...

Родители хотят лечить Веру в Абастумани. Оберегают ее. Редко отпускают в школу. Но Вера – эта самая высокая и красивая девочка – угасает с каждым днем... А тут еще и курица прокричит петухом, и вишне взбредет среди зимы вдруг покрыться белым цветом.

«Тбилиси, когда-то Тифлис, отличается и отличался от всех других городов – предрассудками. Если курица кричит петухом – это смерть. Зимой если цветет белым цветом вишня – это смерть», – пишет в своем сценарии Сергей Иосифович.

И вот мама Веры, тетя Анечка, догоняет черную наседку, кричавшую петухом. Раз! И на белом снегу осяет красное пятно, над которым кружит и взлетает черный петух. Потом тетя Анечка хватается топор и, обливаясь слезами, бьет им по стволу дерева. Ее муж, дядя Васо, пытается выхватить топор

из ее рук. А она все стучит топором по стволу, плача и проклиная. Наконец, крона вишни падает, повалив за собой забор. Во дворе повисает тишина, все чего-то ждут. Чего-то нехорошего. А в Тбилиси, в этом городе предрассудков, предрассудки подкрепляются фактами. Вера все же умерла. Она лежала словно невеста – вся в белом. Накануне мать Сергея отмерила длину, отрезав тюлевую занавеску, и отдала ее теткам теперь уже покойной Веры. Параджанов называет эту смерть своей первой трагедией – похоронами кружев.

Тут раздастся бой часов, возвещающий о бренности человеческого бытия и переходе в другое временное измерение. В действие вступают античный царь Армении Ара Прекрасный и восплаившая к нему страстью ассирийская царица Семирамида. Она готова отдать ему все: корону, скипетр, меч! Готова поделиться и властью. Но Ара Прекрасный отвергает любовь Семирамиды ради сохранения верности своей жене. И навлекает на себя и свою страну гнев ассирийской царицы. Разъяренная, Семирамида идет войной на Армению. Страсть, коварство, отчаяние – в игре этих двоих есть все. Светловолосый красавец Ара предстает непоколебимым и мужественным. Семирамида – выразительно

Сергей Параджанов. Фото Юрия Мечитова

Жирайр Дадасян и Екатерина Минасян. Фото Елены Елисеевой

хитрой и, как и полагается ее героине, чертовски обольстительной. В иных сценах – коварно обольстительной. Разрушительная энергия так и расходится от нее по условному залу. Заканчивается это прочтение легенды оптимистичным финалом – рождением младенца, продолжением жизни.

Есть в этом спектакле еще один герой. Он наблюдает за действиями собственных персонажей, переживает за них, болеет... Причем наблюдает за ними с балкона второго этажа. Замечая, как он организует звуковое сопровождение, сыплет сверху на героев снег, невольно приходит на ум – ну вот, по-прежнему режиссирует, только уже оттуда, с небесного Олимпа.

ГЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

До тбилисской премьеры спектакля все нервничали. И актеры, и режиссер, и организаторы. Играть «Возвращение» предстояло на родине гения, а это особая ответственность. Впрочем, имя режиссера все равно что талисман, который приносит любому, берущему на себя труд рассказать о режиссере, неизменную удачу.

– Все эти герои собираются вместе, и доисторические, и современные, недавние, –

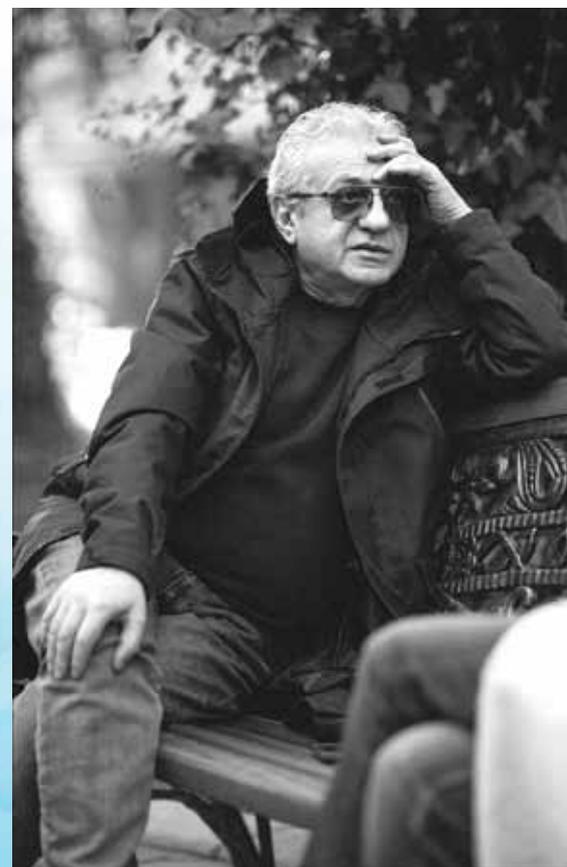
рассказывает о своей задумке режиссер спектакля Жирайр Дадасян. – И над всем этим витает дух Параджанова. Он создает этих персонажей, переживает за них... Это скорее мистерия, чем спектакль. «Возвращение» – это суммирование итогов, попытка переосмысления собственной жизни. Для того, чтобы понять события и их последствия, Параджанов отправляется в детство. И как бы хочет соединить эти времена в единое, целостное. У Сергея нет ощущения современности, ощущения времени. Оно как будто стерто. Во всех фильмах какое-то условное время. Он берет отсчет с эпохи Возрождения, доводит тебя до современности и отправляется дальше... То есть совмещает в себе, своим творчестве все времена. Вот почему я решил привести всех в одну точку. Хотелось достичь этого ощущения вневременности, выйти за установленные историей, человечеством границы времени. Эту мысль я преследовал в спектакле. Искусство Параджанова – это уникальное явление, и не только в кино, а вообще в культуре. Он же не только кинорежиссером был. Он создал такую кинопластику, такую киноживопись, которых никто и никогда до него не создавал.

– Вы сказали о пластике, и мне

пришла мысль, что, в общем-то, киноискусство Параджанова, ближе всего к пантомиме...

– Эпизоды параджановских фильмов и есть сцены пантомимы. Первый раз я увидел «Цвет граната» в 1981 году. Я учился на втором курсе под руководством известного режиссера, который очень хорошо знал Параджанова и работал с ним над съемками «Исповеди» Фрунзе Довлатяна. Он устроил для нас, студентов, закрытый показ. Я посмотрел «Цвет граната», но ничего не понял. Никто ничего не понял. Но у меня было четкое ощущение, что я получил культурный шок. Воздействие было таким, что я сутками не приходил в себя. Удивительно. А самое главное, я в ту пору уже занимался пантомимой, я со школы еще играл. И после Параджанова стал задумываться над погружением в язычество, архаику, мифологию. Начал делать спектакли, искать формы, которые потеряны. Я хочу сказать, что его творчество произвело на меня очень сильное воздействие, и до сих пор я возвращаюсь к нему, подпитываюсь его творчеством. Тем более, что живу в Ереване рядом

Фото Елены Елисеевой

с домом-музеем и часто там бываю.

– *Каждый, кто знакомится с завораживающим искусством Параджанова, пытается найти в нем что-то свое. Нашли ли вы своего Параджанова?*

– Я вам расскажу уникальную историю, связанную со мной. Ну, не совсем со мной, а с моей супругой. У Параджанова на фильме «Ашик-Кериб» оператором работал Алик Явурян. Помимо работы над фильмом, Алик еще преподавал. Так вышло, что одной из его студенток была моя будущая жена. Алик решил взять своих студентов в Тбилиси на съемки – на практику. И вот они приезжают в Тбилиси, а им негде жить, и Сергей предлагает ребятам разместиться у него. И трое девчонок жили у него дома пять дней. Каждый вечер к нему приходили в гости самые разные люди. Криминальные авторитеты, профессора, художники, архитекторы, писатели... «Сергей все время пытался сосватать меня за какого-нибудь грузина», – рассказывала мне потом жена. «Слушай, этот грузин такой хороший, такой богатый. Он тебя будет превосходно содержать». Моя будущая супруга на это отвечала: «Нет, Сергей Иосифович, у меня есть молодой человек, мы встречаемся, правда, пока не поженились. Он живет в Ереване». – «А кто он, этот твой молодой человек?» – «Он пантомимой занимается». – «Слушай, я тебе сейчас объясню. Вот вы поженитесь, пройдут годы. И как-то раз ты проснешься среди ночи и обнаружишь, что его нет в постели. Ты отправишься на его поиски и увидишь его у зеркала, репетирующим какую-то сцену. Вот скажи честно, нужен тебе такой муж?» И вот проходят годы, у нас семья, ребенок. Я и думать забыл про рассказанную женой историю. На носу спектакль. Нужно репетировать. Я просыпаюсь ночью, думаю и говорю себе, как же нужно делать вот это движение. Прокрадываюсь из комнаты и начинаю перед зеркалом изображать движение, ищу форму. И забываю в этот момент обо всем на свете. И тут просыпается жена!

– *Мы склонны считать, что если*

Поклон. Фото Елены Елисейевой

бы Параджанов не родился бы в Тбилиси, то был бы совершенно другим.

– Я тоже, в общем-то, считаю, что Параджанов не был бы тем Параджановым, если бы родился в другом месте. Во всех его фильмах присутствует симбиоз грузино-армяно-азербайджанских культур.

– *И если бы он не прошел такой сложный путь, то не стал бы тем Параджановым, которого мы знаем. Он был человеком, слишком свободным для советской системы.*

– А слишком много этого воздуха свободы не полагалось иметь никому, в том числе и такому вообще выпадающему из ряда режиссеру, как Параджанов. Я считаю, что он должен был родиться тогда, в той системе, в то время. Не было другого выхода.

– *Почему?*

– Вы же знаете, кто такие шестидесятники? Все эти гении родом из того времени. Прошло 20 лет после окончания мировой войны. В мире воцарилось относительное спокойствие. И относительная свобода, наступившая с оттепелью в СССР. Это было лучшее десятилетие XX века, время больших надежд, иллюзий, первых полетов в космос. Время молодежной контркультуры и индустриальной революции. Культурный либерализм и широта взглядов породили

целую плеяду гениев. Думаете, сейчас не рождаются таланты? Конечно, рождаются. Но появление масштабных фигур в кинематографе, литературе, музыке, в любых других видах искусства обусловлено исторической закономерностью. У нас есть свобода, порой даже неограниченная. Но так ли спокойно в мире? Мы в Армении живем в перманентном состоянии войны. Недавно, например, глава соседнего государства назвал Армению «фашистским государством» и добавил, что «фашизм должен быть уничтожен». Это что означает? Что мы живем в режиме ожидания, внутри проблемы. И наши силы не могут быть направлены на созидание... Впрочем, 60-е годы XX века – это был золотой период и в мировом искусстве. А сейчас по всему миру войны, конфликты, противостояния. Мы родились не в то время. Я всегда говорю студентам, у нас есть талантливые люди, но на них нет спроса. Сегодня у каждого есть телефон, свой канал, каждый сам себе звезда. А в те годы поэты, композиторы, художники, режиссеры, актеры – все они были полубоги. Мне кажется, что мыждемся других времен. Лет через двадцать наступит время перемен. И мы увидим потрясающее поколение!

БЕСЫ

■ Нодар ДУМБАДЗЕ

Перевод Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

Бесы бывают трех видов.

У одного – стоячие уши, козлиные копыта, козлиная же борода, крошечные, с мизинец, рожки и быстрые косящие глазки. Очень похож он на козла. Но это бес. Говорит он всевозможными голосами: каким пожелает, таким и заговорит, хочет – женским, хочет – мужским или детским, и голосами разных животных говорить умеет, и птицам всем подражает.

Второй бес хвостатый, уродливый, нескладный и несуразный. Ступни ног у него вывернутые, нос крючком, во рту один зуб-клык торчит, во лбу единственный глаз зеленым огнем горит, а туловище косматое, волосатое.

У третьего беса четыре руки и четыре ноги. На каждой по шесть пальцев красуется. Лица у него два, на каждом по два глаза. Спины вовсе нет. С обеих сторон туловища – живот. Два живота и два пупка. С обеих сторон выглядывает он совершенно одинаково. Словом, он такой, как если бы взяли двух одинаковых бесов и склеили бы их спинами друг с другом.

Существует, правда, еще один бес, но... о нем я вам расскажу напоследок, в самом конце.

Первых трех бесов я не видел, но их своими глазами видел дед мой, Манавела Цинцадзе.

Того, который на козла похож, – в Медвежьей долине.

Хвостатого-лохматого – в Лашис-геле.

Беса на обе стороны одинаково – на горе Сатаплиа.

От всех трех встреч с бесами у деда Манавелы остались страшные следы.

...Пришел я, значит, в Медвежьей долине лыко для годори* (*плетеная, удлиненной формы большая корзина) драть. День-то уже на исходе был, вот-вот смеркнет.

Ну, кончил я, значит, работу, связал целый пук лычины, умылся, сел на камень, вытащил чубук свой, набил его самсуном, – дай, думаю, одну-две затяжки сделаю, да и пойду домой.

Ударил я огнем о кремь, глядь, а он-то, скаженный, во-он, на соседнем камешке, сидит-посиживает да на меня поглядывает. Я – руку к поясу. Нет, слава Богу, топор на месте, за поясом.

– Тьфу, ч-черт! – вырвалось у меня. Вскочил я сам не свой, перекрестился трижды и за топор схватился.

– Сам ты черт и собачий сын в придачу! – говорит он мне.

– А ты тут кто такой? – гаркнул я на него и опять хочу крестным знаменем себя осенить, да не тут-то было!

Все шиворот-навыворот делаю, вместо того чтобы ко лбу руку поднести, к пупу тянусь. А нечисть эта глядит на меня да посмеивается.

– Ать! – заорал я. Но это мне только представлялось, что заорал, а на деле-то просто рот беззвучно разевал.

– Манавела, раззява этакий, брось-ка ты свой топор да подсаживайся ко мне, потолкуем.

– О чем мне с тобой толковать, чертов ты сын, – говорю, а сам думаю: обидится, чего доброго. Какое там! Это для него, видишь ли, все равно как если мне скажут: ты, Манавела, сын Афрасиона. Словом, что мне оставалось делать, сел я возле него, и тут он как начал меня обрабатывать!

– Манавела Цинцадзе, – говорит, – ты парень видный, лицом пригожий, дюжий да сноровистый... Ты чему смеешься, собачий сын, я ведь тогда не такой был, как сейчас, на меня глядеть любо-дорого было! Да, и вот, значит, хочу, говорит, тебя в зятя иметь. Женись на моей дочери, Манавела, кум королю будешь. Серебром-золотом тебя засыплю, сяди, заложив ногу на ногу, и плюй себе в потолок, хочешь

– на ковре под орехом с боку на бок переваливайся и распевай «хасанбегуру» и «криманчули».

– Сперва скажи, человек ты или дьявол, а потом видно будет.

– Человек я, Манавела, человек, ты же слышишь, я с тобой по-человечески разговариваю.

– Ежели ты человек, почему на козла похож? – спрашиваю я, а у самого по спине, по хребту позночному, холодный пот в три ручья бежит.

– Что же поделаешь, мало разве людей, которые на свинью или на осла похожи, и никто из-за этого не чурается их? – отвечал мне этот ирод. А я что я, ничего я ответить ему не могу, потому как правду он говорит, сущую правду.

– Покажи-ка мне твою дочку, – говорю ему эдак обходительно, ласково.

И только успел я эти слова произнести, он как заблеет! Заблеял козлом, слышь ты. А только он заблеял, скала за его спиной вдруг расколосась, и вышла оттуда девица, да ай какая красавица! Видел ты восход солнца с вершины Бахмаро? Не видел! Случалось тебе видеть, как темной ночью из-за черной тучи луна полная выплывает? Не случилось! Или когда в саду на всех кустах розовых одновременно все розы распускаются? Видел? Нет, не видел! Заговорила она со мной, да как заговорила! Слышал, как из тысячи наклоненных кувшинов, воркуя, полетят темно-красная «изабелла»? Нет, не слышал! По весне лунной ночью как запоют, зальются все соловьи, дрозды и сойки, какие есть в Гурии, слышал? Нет, не слышал... И вот встала она, краса неописуемая, ненаглядная, рядом с уродом, страшилой отцом своим, как чудо некое встала с ним рядом и стоит, глядит на меня...

– Ну, что теперь скажешь, Манавела Цинцадзе, ослепни глаза твои, – говорит мне вражья сила.

А я – что мне сказать! Вернее, хотел было я что-то там вякнуть, да не смог – чувствую, язык в живот провалился, у самого пупка подрагивает.

– Ты мне так зазря ее не отдашь, что-нибудь взамен потребуешь, – пролепетал я, обретя наконец дар речи.

– Да что с тебя требовать, голь ты перекатная! В колхозе по две-

сти граммов молодой кукурузы за трудодень получаешь, что с тебя брать! Потому душу должен ты мне продать, слышишь?

При этих его словах душа моя разнесчастная чуть вон не выскочила.

– Ты как смеешь мне такое говорить! – крикнул я и взмахнул топором, взмахнул, да и над башкой его поганой занес, чтобы снести ее, значит, башку... Ан!..

Тут дед подворачивает штанину и показывает мне на ноге своей глубокий, на два пальца в шкуру уходящий шрам.

– Исчез, морок проклятый, ровно и не было его! Топор мой по камню скользнул, где он вроде бы сидел, и вонзился сюда вот, ты видел шрам. Кровь фонтаном, а я, дед твой Манавела Цинцадзе, без памяти наземь грохнулся... По сей день в ушах звенит визгливый хохот поганого беса и крик его: «Душу стереги, Манавела, душу! Чтобы не сбегала душа-то! Ха-ха-ха!»

А больше ничего не помню.

Второго беса встретил я в Лашис-геле. Была пора лова усача, и пошел я на ночную рыбалку – сторожить рыбу, она шла из Губазоули в Лаше метать икру. Только успел я запруды поставить так, что остался узкий проход для рыбы, сел, достал свою трубку, набил ее табаком и слышу – забилась рыба, застучала. Ну, думаю, пошел усач. Приготовился сеть забрасывать и почему-то вбок глянул. И что же? Сидит этот поганец! Сидит и одним-единственным своим глазом зеленым на меня уставился, да сверлит, да сверлит! Гляжу – не тот он, совсем не тот, что в Медвежьей лощине мне ногу покалечил.

Как и тот бес из Медвежьей лощины, одноглазый предложил деду свою красавицу дочь в жены и взамен душу потребовал. Вдобавок он пообещал деду место председателя колхоза и один батман золота...

– Ну уж этого я живым не выпущу, решил я. Размахнулся и набросил сеть на нечистого. Потянул сеть к себе, а он к себе тянет. Я опять тяну, а он опять упирается. Только деваться-то ему все равно некуда: сеть как раз за зуб его зацепилась, зуб-то ровно крюк изо рта торчал. Запустил я руку в пасть ему, чтобы сеть вы-

свободить и... – Тут дед Манавела бережно протягивает правую руку и показывает мне мизинец и безымянный палец. А остальных пальцев на руке его нет. – Вот эти два пальца и удалось мне вырвать из пасти его поганой. Погубил меня, окаянный, да еще хорошо, всю руку не откусил! И на том спасибо...

Третий бес, или двусторонний, встретился деду Манавеле на горе Сатаплиа, когда он поднялся туда улы свои осматривать. Этот бес тоже предложил деду свою дочь в жены, да еще посулил ему место секретаря Чохатаурского райкома за его, Манавелову, душу. Дед его высмеял.

– Чтоб ты ослеп, Манавела, хам неблагодарный, не ценишь красоты моей дочери, – взвился тут бес и ткнул мне палец в глаз. Я-то успел глаза рукой заслонить, да запомнил, что ведь я теперь двупалый. Так что ткнул-таки меня проклятуший в правый глаз и выколол его... Ты чему смеешься, старая, чего доброго, ребенок подумает – брешет дед Манавела! – рассердился дед на бабушку, вошедшую в это время в комнату.

– Не верь ему, нэна, не верь! Врет все. Такой он и был, когда я за него замуж шла. Сам он черт, какой бес с ним бы справился, – не реагируя на замечание, говорит бабушка, забирает со стола порожний кувшин и выходит из комнаты.

– Чего ты убивался с этими бесами, дед, женился бы на дочери одного из них, и дело с концом, был бы теперь первым на селе человеком, – говорю я, захмелев от «изабеллы».

– А душа-то, собачий ты сын, душа как же? – возмущается дед и стучает меня по голове теми своими двумя пальцами.

– Что за душа у тебя такая, думаешь, – пренебрежительно говорю я.

– А каково было бы, если бы ты бесовым внуком оказался? – спрашивает дед и сверлит меня единственным глазом, точно дулом маузера.

– Да, твоя правда, об этом я и не подумал, – извиняющимся голосом говорю я.

– Не подумал! А пора бы этому дылде над сказанным думать, – укоризненно говорит разморенный вином дед Манавела

и переворачивает в камине суковатое бревно.

Входит бабушка и ставит на стол кувшин, до краев полный черной «изабеллы». Вдруг из этого самого кувшина вылезает маленький, ну совсем малюсенький бес. Такой малюсенький, что на ладони свободно уместится. Зато нос у него большой, будто крупная картофелина торчит на его красном, точно спелый помидор, лице. Тело у него совершенно голое, безволосое и к тому же прозрачное. Гляжу на него и не пойму, какого он пола, женского или мужского. Словом, ни то ни се. На руках у него по семь пальцев, а на ногах – не видно, потому как обут он в деревянные коши. Этого беса Манавела не видит, потому что это мой бес, собственный. Вот он спрыгнул с горлышка кувшина и примостился на краешке моего стакана.

– Хочешь, Манавелов внук, продай мне свою душу, и я все тебе расскажу, как по правде было, – говорит он мне, посмеиваясь. Смех у него такой добродушный, что не только душу – и плоть ему продать не пожалеешь. А лицо-то у него пьяненькое да улыбочное.

– Забирай так, сдалась мне эта душа! – отвечаю я заплетающимся языком.

Мой бес начинает рассказывать.

Манавелу Цинцадзе затащили в лес братья Шаликашвили и привязали к огромному дубу. Трое их было, Шаликашвили: Фридон, Мамаи и Кациа.

Манавела Цинцадзе умыкнул невесту младшего брата, Кациа, – Тинатин Накашидзе, обрученную с ним еще с колыбели. Однако это еще как сказать – умыкнул: в Бахмаро на празднике увидела его Тинатин Накашидзе. В черной чохе сидел он на белом Шамиле. Сперва он всех обскакал в пятиверстной скачке, первым пришел. Жеребец весь в пене был под лихим наездником. После того с одного выстрела вдребезги разнес хрустальный кубок, установленный на четырехсаженном шесте. И наконец, обнаженный по пояс, одним духом взобрался на обмазанный маслом трехсаженный еловый столб. Снял серебряный кубок, на верхушке столба водруженный, под восторженные

крики толпы подошел к сияющей, точно солнце, красавице Тинатин Накашидзе, опустился пред ней на одно колено, поцеловал подол ее платья и преподнес кубок зардевшейся девушке.

Пятнадцати лет не было в ту пору Тинатин Накашидзе, а Манавеле Цинцадзе девятнадцать только исполнилось, и истинно не было равного ему.

Неделю спустя получил Манавела Цинцадзе письмо от Тинатин, дочери Накашидзе.

Я клянусь тобою, солнце, буду век твоей луной,

Я не дамся, если даже трое солнц придут за мной,

И скорей со скал низринусь в сумрак пропасти ночной,

Обратись, любимый, к небу с открыленною мольбой!

Письмо сперва оглушило Манавелу Цинцадзе. Потом он совершенно обезумел от радости, съел целую горсть земли и – была не была! – решил: сел и написал ответное письмо.

Положил я пред очами дорогие письмена

И ответил: «Можно ль солнцу одолеть тебя, луна?»

Бог свидетель, что не будешь мною ты огорчена.

Ах, живу я или умер или это грезы сна?

В ночь на четырнадцатое октября, в час, когда засияла полная луна, к повороту, ведущему в село Распятие, к подножию огромного древнего дуба, не силой, а своей волей, по любви пришла Тинатин, дочь Накашидзе. Босая пришла, в одной сорочке. Манавела Цинцадзе подхватил свою радость, закутал в бурку, усадил впереди себя на неоседланного коня и умчал.

Три брата Шаликашвили бросились в погоню.

Манавела стрелял в каждого.

Конь пал под Манавелой, сраженный шаликашвилиевской пулей. И пока Манавела сумел подняться с земли, они окружили его.

Братья Шаликашвили затащили в лесную чащу Манавелу Цинцадзе и привязали к стволу дуба.

– А ну, Манавела Цинцадзе, покажи мне руку, которой ты писал письмо моей невестке! – велел старший брат, Фридон Шаликашвили.

Руки, крепко-накрепко связанные за спиной, онемели, за-

текли, Манавела их уже и не чувствовал.

Тогда зашел за дерево Фридон Шаликашвили и равнодушно отсек сперва большой, затем указательный и, наконец, средний палец на правой руке Манавелы Цинцадзе. Фонтаном брызнула застоявшаяся кровь. Вместо боли облегчение почувствовал Манавела, и радостный стон вырвался из его груди.

– Ишь, герой-то какой, а! – с издевкой проговорил Фридон Шаликашвили.

– А покажи-ка мне ногу, которой ты намеревался переступить порог дома Накашидзе! – сказал средний брат Шаликашвили, Мамиа, и обнажил свою саблю.

У Манавелы потемнело в глазах.

– Не калечь меня, князь, – надтреснутым голосом взмолился он.

– Не лучше было бы тебе калеккой быть тогда, когда ты в Бахмаро на коне гарцевал? – недобро засмеялся Мамиа Шаликашвили и полоснул саблей по правой икре Манавелы Цинцадзе. Манавела почувствовал, как сабля рассекла кость, и потерял сознание.

– Пришел в себя? – спросил теперь младший брат, Кациа Шаликашвили, увидев, что Манавела открыл глаза. – Покажи-ка мне тот глаз, которым ты впервые взглянул на мою невестку Тинатин...

У Манавелы волосы дыбом встали и язык отнялся.

Кациа обождал, пока Манавела чуть-чуть оправился.

– Что вы творите, изверги! Христа не мучали так, как вы меня, какой такой грех на мне...

– Глаз покажи, Манавела, глаз!

– Не делай этого, Кациа, не лишай меня света Божьего! – Не хотел плакать Манавела, слезы сами полились.

Все было тщетно: Кациа Шаликашвили приставил острие сабли к правому веку Манавелы Цинцадзе и надавил...

Получеловека нашли жители села Джварцма* (*Джварцма означает распятие, прим. пер.) на следующее утро в лесу.

Полгода не вставал с постели Манавела Цинцадзе. Ни слова, ни стоны не вырвалось из его уст за все это время. Шесть месяцев

спустя соседи увидели в проулке изувеченного, хромого Манавелу Цинцадзе. С той поры прозвали его Манавелу «Бессмертным». Так и осталось за ним это прозвище.

Спустя год Леварси Тавберидзе, житель соседнего села, что за Медвежьей лощиной, нашел в лощине тело Фридона Шаликашвили. Изумление и испуг застыли в раскрытых глазах его. Ни огнестрельной, ни колотой и никакой иной раны не оказалось на теле Фридона. Сердце у него разорвалось от страха.

– Я-то слышал за полночь рев какой-то в Медвежьей лощине, да подумал, верно, медведь, – говорил Леварси Тавберидзе.

Прошел еще год, и в Лашигеле нашли Мамию Шаликашвили. Одним ударом сабли рассечен был Мамиа от плеча до пупа. Сомнений быть не могло: Манавела Бессмертный брал кровь Шаликашвили.

В лес подался Манавела Бессмертный.

Кациа Шаликашвили, жаждущий мщения убийце своих братьев, мертвым был обнаружен стражниками на горе Сатаплиа. Пуля, метко пущенная из берданки, размозжила ему лоб. Он лежал как раз под той липой, под которой двусторонний бес выколдовал глаз деду Манавеле.

Весной 1918 года вышел Манавела из леса.

– Революция все всем простила, а чем твой дед хуже других был? – говорит мне мой бесик и смеется, хихикает вовсю.

– Тинатин, а ну неси нам еще кувшин «изабеллы», а то горло пересохнет, – зовет дед мою бабушку Тинатин. Бабушка приносит еще кувшин вина и, ласково улыбаясь, садится рядом с дедом.

Дед продолжает рассказывать что-то о бесах, но он не знает, что у меня есть мой собственный бесик, маленький-маленький, вот он сидит на краешке моего стакана. Болтовня дедушки его страшно забавляет, он хохочет и рассказывает мне, как все по правде было.

Позже, когда минует полночь, мой бес залезет обратно в кувшин, и все мы, с бесами, с правдой и сказкой, с дедушкой и бабушкой, уснем возле тлеющего камина.

SPCK AT
**LONDON
 BOOKFAIR 2025**
 11-13 MARCH 2025

МЕСТО ВСТРЕЧИ – ЛОНДОН

Великобритании с 11 по 13 марта. Закономерно и заслуженно!

The London Book Fair, основанная в 1971 году, – одна из трех масштабных книжных ярмарок мира (наряду с ярмарками во Франкфурте и Болонье), на которую ежегодно съезжаются сотни издателей (от гигантов до небольших независимых издательств), авторов, литературных агентов, специалистов по авторским правам, владельцев книжных магазинов, библиотекарей, критиков, переводчиков, журналистов и, конечно, читателей. На стендах Olympia London, исторического выставочного пространства в Западном Кенсингтоне, выставляют красочные экспозиции книг на разных языках и в разных жанрах, разнообразные программы, мастер-классы, конференции и семинары в рамках ярмарки охватывают самый широкий спектр тем: от маркетинга и продвижения до цифровых публикаций и самостоятельных публикаций, от текущих тенденций до проблем в книжной отрасли, проходят переговоры о правах, а также продажи и распространении контента по печатным, аудио, телевизионным, кино- и цифровым каналам.

Каждый год программа ярмарки Market Focus представляет одну конкретную страну или регион с целью привлечь к ней особое внимание в сфере издательского дела. Так, в 2011 году в фокусе LBF была Россия, в 2018-м – страны Балтии, в 2023-м – Украина. Какая страна попадет в Market Focus в этом году, пока неизвестно.

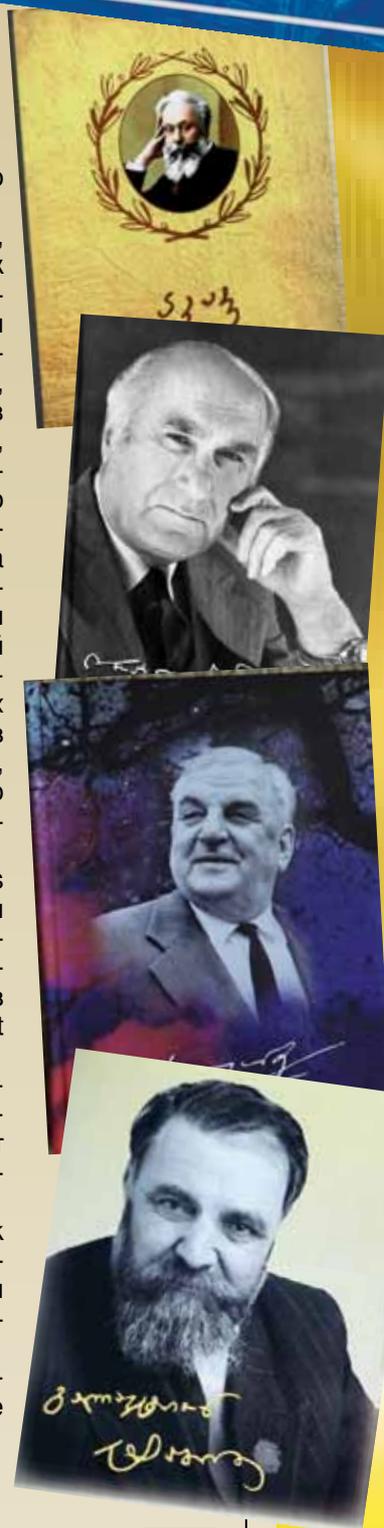
Культурный обмен и профессиональное общение, которые происходят на ярмарке, гарантируют, что книги со всех уголков земного шара будут оценены по достоинству и попадут в руки читателей.

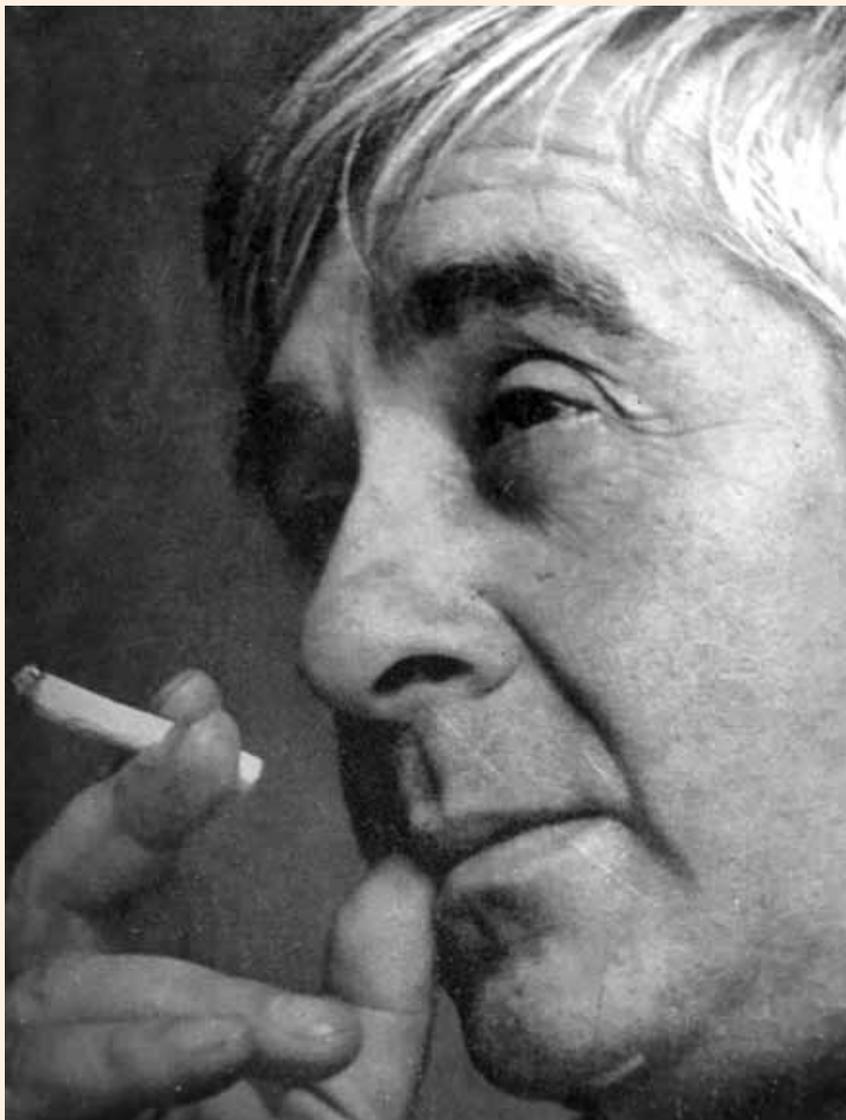
Грузия принимает участие в The London Book Fair, начиная с 2013 года, и традиционно демонстрирует на своем национальном выставочном стенде самые интересные новые издания в оригинале и в иностранных переводах.

Поздравляем Вахтанга Вепхвадзе и всех создателей уникальной книжной серии с участием в The London Book Fair и желаем им большого успеха!

Вахтанг Вепхвадзе

Имя Вахтанга Вепхвадзе знакомо нашим читателям (хотя он меньше всего стремится к известности, и самореклама вообще его не интересует) – мы писали о блестящей трилогии, изданной по идее и при поддержке авторитетного бизнесмена, благотворителя и мецената, трех фундаментальных томах «Георгий Леонидзе», «Иракий Абашидзе», «Галактион Табидзе». А совсем недавно серия пополнилась новым изданием – в свет вышла столь же внушительная, как и предыдущие, по содержанию и оформлению книга, посвященная жизни и творчеству Акакия Церетели. Следом подросла и еще одна новость: в этом году блестящая тетралогия будет представлена на Лондонской книжной ярмарке, которая пройдет в столице

КИРИЛЛ ЗДАНЕВИЧ

Из «Тбилисских зарисовок»

■ Арчил СУЛАКАУРИ

Пятидесятые годы подходят к концу. Стоит осень.

Рабочий день, который я провел в одиночестве, завершился. Я собирался было уходить.

В этот день не пришли ни Симон Чиковани, ни Гия Маргвелашвили, правда, меня здесь встретил Шалва Алхазивили, но очень скоро куда-то исчез. А главное, в редакцию не заглянул ни один автор. Под конец появился Шота Дзидзигури, но посидев минут пятнадцать в ожидании Симона, тоже ушел, оставив мне прочитанные дома материалы. Я тоже собрался уходить, но тут прозвонил телефон и остановил

меня. Звонил Гия Маргвелашвили.

– Симон говорит, приходи ко мне, пообедаем вместе, – сказал мне Гия, – и захвати Шота Дзидзигури, если он там.

Я бросился вслед за Шота, обежал всю площадь Героев – его уже не было видно.

Симон жил на шестом этаже того же дома, в котором находилась редакция «Мнатоби». Дверь мне открыл Гия Маргвелашвили. Из прихожей я увидел накрытый в столовой стол, за которым сидели батони Симон и незнакомец – симпатичный пожилой мужчина. На нем был серый пиджак из

модной тогда ткани «букле» и голубая сорочка с распахнутым молодёжному воротничком.

Я спросил Гию, кто этот человек.

– Кирилл Зданевич, – бросил он мне в ответ и хотел было выйти из комнаты. Я остановил его, и, опешив от изумления, снова спросил:

– Какой Зданевич, который?

– Тот самый, о котором ты подумал и все-таки не поверил, – засмеялся он. – Так же было и с Тамазом Чхенкели, когда он в моем доме увидел Кирилла Зданевича, только Тамаз чувства выразил, как ему было присуще, более экстравагантно: он вскочил на стул и оттуда, с высоты, приветствовал его.

Имя Кирилла Зданевича для меня всегда связывалось с тремя людьми, которых уже не было на свете. И в первую очередь с Пиромсани. Затем с «голубороговцами» – инициаторами открытия кафе «Химериони» и авторами росписей на его стенах. Я как-то забыл, что один из художников, украсивших кафе своей кистью, был ныне здравствующий Ладос Гудиашвили. И как жаль, что не было в живых других его современников-художников.

Симон Чиковани представил меня Кириллу Зданевичу. Кирилл поднялся с места, и так, стоя, пожал мне руку. Он оказался ниже ростом, чем я его себе представлял. Он производил впечатление опрятного и добродушного человека. Видимо, до моего прихода батони Симон рассказывал что-то интересное. Как только я подсел к столу, он продолжил беседу. Речь шла о встречах с Григолом Робакидзе. Особенно запомнилась ему одна встреча. Это было то ли в конце 20-х годов, то ли в начале 30-х. Тогда Ражден Гветадзе жил на улице Белинского, у него обычно собирались писатели, по преимуществу молодые. В один из вечеров, когда у Раждена собрались как раз молодые писатели, пришел Григол Робакидзе. По словам Симона Чиковани, таким взволнованным и возмущенным он его еще никогда не видел. Всегда уверенный, выдержанный, изысканный, в тот раз он не был похож на самого себя. Григол никогда не забывал, что он был мэтр, маэстро, учитель! В тот вечер он выглядел растерянным.

– Друзья мои, я стал свидетелем ужасной истории. Меня вызвал Берия, и сегодня мы встретились тет-а-тет. Я заглянул ему в глаза и увидел нечто ужасное. Вы ведь знаете силу моего пронзительного взгляда, до сих пор никто не мог его выдержать. Сегодня я не выдержал взгляда Берия – я отвел глаза. Его взгляд победил мой взгляд и разбил его. Его глаза горели апокалиптическим огнем. Здесь мне нельзя оставаться дольше, я должен покинуть Грузию.

Молодым писателям тревога Григола Робакидзе показалась преувеличенной, тем не менее они постарались его успокоить. Но их усилия были тщетны – потрясенный и удрученный, он вскоре покинул друзей.

Батони Симон рассказывал очень эмоционально и его рассказ произвел сильное впечатление на слушателей. Почему-то я подумал, что Кирилл Зданевич тоже предается воспоминаниям. Однако он сидел молча, лишь временами по его задумчивому лицу пробегала слабая и непонятная улыбка. Он произнес единственную фразу по-русски:

– Я нигде, ни в Европе, ни в России такого прирожденного эстета не встречал.

– Если вы будете слушать Симона, останетесь без обеда, – предупредила нас супруга Симона калбатони Марика.

После нескольких бокалов вина у Кирилла Зданевича развязался язык. Он рассказывал так, словно говорил для себя, не обращая внимания, интересуется его повествование слушателей или нет. Мне трудно будет дословно передать его речь, но приблизительно он говорил следующее:

– История человечества – это блеф, потому что взаимоотношения людей, их истинные волнения, переживания, большей частью искажены либо приукрашены, по различным причинам прикрыты либо вовсе не проявляются. Самая суть пропадает бесследно. Значительные явления вместе с подлинными взаимоотношениями людей должны быть зафиксированы своевременно, чтобы последующее поколение проанализировало, осмыслило и смогло приблизительно все это восстановить.

В десять вечера мы распро-

щались с четой Чиковани. Я проводил Кирилла Зданевича. Он пожелал идти пешком.

– Я живу на Вере, – сказал он мне.

Я зрительно представлял себе дом Зданевичей, однако, я не думал, что они и сейчас там живут. Слегка опьяненные рассказами Симона и прекрасным вином, мы неспешно продвигались по ночным улицам. За минувшие три часа или около того, наш гостеприимный хозяин рассказал нам столько чего интересного, что, пожалуй, вряд ли кто-нибудь все это упомянул.

– Симон – удивительный человек, – сказал Кирилл. – Я постоянно твержу ему, что нужно писать воспоминания, мемуары, потому что так как ты, это никто не проанализирует, но он говорит, что пока еще рано, не время, а между тем с каждым днем зрение его ухудшается, еще немного – и он ослепнет.

Кирилл искренне сокрушался и был очень озабочен. Он считал, что фейерверк воспоминаний постепенно потускнеет, утратит свой блеск и все будет предано забвению.

Я шел рядом с ним, и мною овладевало какое-то неизведанное чувство, которое пока даже трудно передать. Вероятно, это было еще неосознанное, пронизанное благодарностью чувство то ли радости, то ли гордости: в тот вечер я открыл для себя одну реальность – несмотря на то, что Кирилл по происхождению был поляк и изъяснялся только по-русски, он считал себя грузином. Я помню, как однажды он сказал: «Нигде в мире не найти таких беспечных людей, как мы». И еще: «Мы ведь не умеем терпеть друг друга». Ясно, что местоимение «мы» обозначало грузин, и что он говорил с болью, как грузин, который имеет право так говорить. Я знал, что за его плечами – большая жизнь. Чего стоило одно лишь открытие, проследование и спасение Пиромани! Безвозмездная передача стране до ста картин! Это был величайший сыновний акт. Лично я не знаю другого такого большого культурного явления. Грузия словно возвысилась духовно, обогатилась и засверкала, как бы обрела более значительный культурный облик. Я знал о его

дружеских взаимоотношениях с грузинскими художниками, поэтами и не только с грузинскими деятелями искусства и литературы... Симон Чиковани хотя и не писал воспоминаний, однако в беседах обычно вспоминал старые встречи. Кирилл Зданевич пока что молчал. Но пройдет несколько лет, и он опубликует замечательную монографию о Пиромани. Конечно, я знал, что он вместе с Ладо Гудиашвили, Зигмундом Валишевским и Сергеем Судейкиным расписали стены знаменитого кафе «Химериони». Кирилл устроил выставки своих картин в Париже и Тбилиси. Но все это было давно. Куда делся, куда исчез художник Кирилл Зданевич? Если он рисовал, почему же не выносил свои картины на выставки?

Тысячи вопросов будоражили меня, но я не осмелился задать ни один. Поскольку я почувствовал, что он принял меня тепло и наши отношения не завершатся этим вечером, я отложил вопросы на будущее.

Потом на стенах квартиры Гии Маргвелашвили появились необычные для того времени рисунки.

– Чьи эти рисунки, – спросил я Гию.

– Это Кирилл, – ответил он.

Рисунки были выполнены гуашью на листках бумаги и разительно отличались от всего того, что мне доводилось видеть до сих пор в наших выставочных залах и в мастерских художников. Было очевидно, что Кирилл Зданевич немного иначе мыслит, по-иному видел предметы и иначе понимал назначение цвета.

Но главное все-таки было то, что Кирилл Зданевич рисовал. Стены квартиры Гии Маргвелашвили постепенно заполнялись его рисунками. По-видимому, стеснявшемуся по выставочным залам Кириллу Зданевичу эти рисунки, из коих некоторые были настоящими шедеврами, дарили маленькую радость и создавали некую иллюзию выставки.

Два или три раза я встретился с Кириллом Зданевичем в гостеприимном доме Гии Маргвелашвили. Тогда рисунков было еще не так много. Об этих рисунках я высказал свое мнение, особенно понравился мне один натюрморт, и это тоже я отметил. Когда я при-

шел к Гие во второй раз, он был дома один, так как супругу и дочь отправил в Батуми, и решил накрыть стол.

– Сегодня день рождения Кирилла, – сообщил мне Гия, – поздравим его.

Я сказал, что нет смысла нам здесь мучиться, давай отправимся в ресторан. Тем паче, я знал, что денег на это дело у нас хватит. На троих у нас было пятьдесят рублей, что было вполне достаточно.

Стоял теплый солнечный день, как бывает в ноябре, листва золотилась в лучах солнца. Мы пошли в ресторан «Тбилиси». Кирилл, отдавшийся на нашу волю, последовал бы за нами, если бы мы ему сказали, хоть на край света. Он выглядел равнодушным, ни довольным, ни недовольным, он молчал, словно ему было все равно, где он выпьет свою бутылку вина.

В этот день я узнал, что Кирилл родился не в Тбилиси, как я до этого полагал, а в Кутаиси, только семья Зданевичей в тот же год переехала в столицу. Между прочим, я тогда сказал ему шутливо, что если бы он провел детство в Кутаиси, я уверен, он бы знал грузинский. Он согласился и ответил, что все кутаисские поляки владеют грузинским. И в этот же день я узнал, что супруга Кирилла была сестрой Зигмунда Валишевского, а потом вышла замуж за известного русского писателя Константина Паустовского. Так увенчались визиты писателя в Грузию и проживание в семье Зданевичей. На меня эта старая история произвела тяжелое впечатление. Но сам Кирилл, казалось, давно ее переварил, он рассказывал так, будто все это касалось другого человека.

Мы зашли и уселись в кафе «Тбилиси». Кафе нам больше импонировало и притягивало нежели ресторан, мы любили кафе, да и наши финансовые возможности соответствовали сидению в кафе. А в дальнейшем пребывание в кафе «Тбилиси» стало ежедневной потребностью, здесь собирались молодые писатели, художники, архитекторы, беседовали, спорили, обсуждали, было кофепитие и потягивание коньячка.

Одним словом, здесь обособилась небольшая тбилисская

«Ротонда». Можно смело сказать, что эти беседы и споры стали для нас чем-то вроде уроков эстетики и нравственности.

В тот день Кириллу Зданевичу исполнилось шестьдесят лет. Мы с Гией стоя выпили заздравный тост. До вечера просидели мы в кафе за праздничной трапезой. И, конечно, каждый тост был связан с Кириллом. Вспомнили Пиросмани, друзей Кирилла – художников и поэтов, которых уже не было на свете. Под конец Гия провозгласил особый тост за некую московскую балерину. Кирилл при этом замер и смутился.

Балерина, ни имени, ни фамилии которой Гия не произнес, оказывается, была другом Кирилла. Эту женщину он любил всей душой, какой-то первозданной любовью. В этом я убедился позднее, когда Кирилл пропадал целыми неделями, а то и месяцами. Ему хотелось постоянно находиться рядом с ней, возле нее. Столь сильное и возвышенное чувство шестидесятилетнего мужчины меня удивляло и одновременно восхищало. Такая поистине юношеская неодолимая страсть казалась мне вечным источником вдохновения.

Неделю спустя, придя в редакцию и выдвинув ящик моего письменного стола, я обнаружил в нем четырехугольный кусок картона. Я тотчас достал его из ящика, перевернул и... не поверил своим глазам: в руке у меня был выполненный гуашью натюрморт Кирилла Зданевича, приблизительно такой же, как тот, который я видел у Гии и который мне очень понравился. Я сразу направился в рабочую комнату Гии и спросил его, как очутился этот рисунок в моем ящике.

– Вчера сюда заглянул Кирилл и сам положил рисунок туда, – пояснил Гия и добавил, – он огорчился, что не встретил тебя здесь.

Я хотел позвонить ему по телефону и поблагодарить, но Гия меня остановил, сообщив, что Кирилл сегодня утром вылетел в Москву.

Поблагодарил я Кирилла только через месяц. Я поехал из редакции домой на троллейбусе. Было холодно, дул холодный декабрьский ветер. Я сошел на Руставели возле магазина «Борджоми». Сделав несколько шагов, я услышал, как кто-то крик-

нул мою фамилию, и сразу узнал голос Кирилла. По фамилии называл меня только Кирилл, причем звук «у» он выговаривал неясно, получалось нечто вроде «а». Я обрадовался, обнял его, поблагодарил за рисунок и сказал, что вставил его в рамку и повесил на стену. Ему явно стало приятно.

– Минут десять назад я был у тебя, но дома никого не было, – сказал мне Кирилл.

– Поднимемся сейчас, – предложил я.

Но он обратил мое внимание на магазин «Борджоми».

– Здесь раньше было прекрасное кафе, где подавали чудесный кофе, и кафе называлось «Фантастическая кофейня», – сказал Кирилл, – мы, художники, артисты, писатели, считали его своим владением и проводили здесь свободное время. А почему я тебе это говорю, знаешь? Давай выпьем по чашечке кофе в кафе «Тбилиси».

В «Тбилиси» мы просидели долго. Долго беседовали о том, о сем.

Спросил я его и о том, встретился ли он с ней (конечно, я имел в виду балерину).

– Да, – с улыбкой ответил он.

Еще я спросил, почему он не участвует в выставках. Оказывается, его обвиняют в формализме. Много раз он носил свои картины на обозрение выставочной комиссии, но их отклоняли – мол, не можем выставить картины, это формализм, завтра-послезавтра они станут реалистичнее реалистичных.

Надо сказать, что сам он отнесился довольно небрежно к своим работам. В основном он рисовал на бумажных листах и ни одного из них я не видел в рамке либо под стеклом. И у Гии все рисунки Кирилла были без рамок и без стекла, прикреплялись к стене обыкновенными кнопками.

– Иной раз мне кажется, что меня и художником не считают, – говорил Кирилл, – для них я просто тот человек, который собрал полотно Пиросмани и спас их от исчезновения.

Чтобы обессмертить одного человека, наверное, этого вполне достаточно, – успокаивал себя Кирилл. Разумеется, Кирилл считал настоящим художеством то, что он создавал, и нравилось это ему, но меня удивляло его инерт-

ное отношение к уже созданному.

«Для того, чтобы в Грузии тебя признали большим поэтом или большим художником необходимо, чтобы о тебе создавалась легенда или нечто подобное легенде. Если ничего никто не создал, ты сам должен это сделать; вовсе необязательно, чтобы ты был и вправду выдающимся и великим, главное, чтобы существовала легенда, народ сразу тебя признает и поверит в твою избранность», – говорил Кирилл Зданевич.

«Для Грузии я останусь той личностью, которая безвозмездно отдала стране сто живописных полотен Пиросмани. Сегодня меня как художника Грузия не знает, как художник я Грузию не интересую. Видимо, на одного человека две легенды не слагают».

Кирилл говорил это абсолютно спокойно без всякой боли и сожаления.

«Я не думаю, что когда-либо кто-нибудь обнаружит художника Кирилла Зданевича подобно Пиросмани, – заключил он, – Пиросмани был совершенно другим явлением».

Я уж не помню, сколько лет минуло после этой встречи, возможно года два, может больше. В один прекрасный день рано утром звонит мне Гия Маргвелашвили, страшно взволнованный, и сообщает, что с Кириллом случилась неприятная история, может, ты позвонишь Кристо Гиоргадзе, чтобы он помог. Кристо Гиоргадзе, дядя моей супруги, был полковник милиции. Физик по образованию, он еще заочно окончил филологический факультет университета. До войны он работал в Грузирадиокомитете. С войны он вернулся в чине и начал работать в милиции. Он знал почти всех грузинских писателей и в случае необходимости всегда оказывал покровительство.

Предварительно должен сказать, что в тот период в Москве было строго запрещено посторонним лицам входить в гостиницу без пропуска. Гостю с пропуском так же строго было запрещено оставаться после одиннадцать часов ночи. Это правило распространялось и на все гостиницы всех городов Со-

ветского Союза.

Балерине Кирилла Зданевича вздумалось посетить Тбилиси. Она приехала и остановилась, если память мне не изменяет, в новой гостинице «Абхазети». Ровно в одиннадцать ночи представители администрации гостиницы вторглись в номер нарушителей и грубо обратились к Зданевичу – мол, сейчас же освободите помещение.

Зданевич еще до их прихода собирался уходить, но хамство и грубость этих людей возмутили его настолько, что он выступил в защиту своего личного достоинства и достоинства дамы.

Администрация вызвала милицию, балерине пригрозили, что ее выслет остоуда. Одним словом, весь этот переполох, крики, угрозы, ругань администрации и оскорбления в адрес Кирилла и балерины продлились вплоть до самого утра, и, как рассказывал Гия, Кирилл боролся яростно, таким разъяренным он никогда его не видел.

Я сразу же связался с Кристо Гиоргадзе и рассказал как было дело. К счастью, оказалось, что Кристо прекрасно знал, кто такой Кирилл Зданевич, более того – преклонялся перед его заслугами. Без промедления отправился он в гостиницу и, как говорится, навел порядок, заставил и администрацию, и милицию извиниться перед Кириллом, и перед балериной, но та уже не захотела оставаться не только в этой гостинице, но и вообще в Тбилиси. Оскорбленная, униженная, в тот же день улетила она в Москву.

Кирилл не отпустил ее одну, он проводил ее до Москвы. Проблему билетов и своевременный приезд в аэропорт обеспечил все тот же Кристо.

В тот самый день завершилась столь возвышенная романтическая история любви московской балерины и Кирилла Зданевича.

Я узнал об этом после. Мы с ним часто встречались. Я неоднократно пытался представить себе этого пожилого добродушного и спокойного, выдержанного человека вышедшим из себя и разъяренным – и не мог. Тем более, что в последнее время он словно бы несколько сло-

мался. Грусть погасила огоньки молодости, которые вспыхивали в его глазах. Мы часто встречались, но не беседовали, он справлялся о том, как я поживаю, я о том, как он – только и всего. За целый год он ни разу не зашел ни ко мне домой, ни в «Мнатоби». Однажды, в начале октября мы встретились с ним на Руставели. Он шел один. Я остановил его, мы поговорили немного. К тому времени стены квартиры Гии Маргвелашвили от потолка до пола почти целиком были заняты рисунками Кирилла. Эти новые рисунки произвели на меня очень хорошее впечатление и как раз этим я с ним поделился. И тут я заметил свою приятельницу Дж. Ш-иа. Я приветствовал ее и одновременно сделал знак, чтобы она подошла к нам. Она сразу же приблизилась и одарила нас очаровательной улыбкой. Когда я представил ей Кирилла, она вроде бы сперва удивилась, но тотчас проявила удивительные тепло и внимание к нему. У меня в голове пронеслась мысль – а не присесть ли нам в уютном месте к уютному столику, может, Кирилл немного повеселеет. Мое предложение обоим понравилось. Я хотел как-то предупредить Дж.Ш., чтобы она была особо внимательна к Кириллу, но это оказалось излиш-

Кирилл Зданевич

не. Меня удивило и обрадовало чутье и догадливость моей приятельницы. Она как врач явилась внутренне подавленному Кириллу. Взяла его под руку, и мы, непринужденно беседуя, направились к ресторану.

В ресторане мы посидели недолго, но и того малого времени хватило для того, чтобы хотя бы полтора часа мы все трое чувствовали себя счастливыми. Это были прекраснейшие часы и минуты любви и духовного единения, которые остаются в тебе навсегда и никогда не забываются. Долше оставаться в ресторане не захотел сам Кирилл. Он настоятельно приглашал нас к себе. Мы, конечно, пошли. Подошли ко всем известному дому Зданевичей на улице Баградзе. Первое, что мне бросилось в глаза: два великолепных полотна Пиросмани на стене. Больше ни на какие предметы внимания я не обратил.

Кирилл вынес нам свои произведения. Один за другим он клал на стол прекрасные рисунки. На одном из них, где был изображен уголок улицы в Сигнахи, он написал тушью: «Другу, любимому писателю Сулакаури от худ. Кир. Зданевича. 1965 г.»

Затем он выбрал рисунок для Дж. Ш. и подарил ей. Преисполненные неожиданной радостью мы собрались уходить. На прощанье Кирилл мне сказал: «Я все понял, Сулакаури. Спасибо за прекрасный вечер».

Кирилл Зданевич еще один раз полетел в Москву. В аэропорт его проводили мы с Гией. Его поездка оказалась напрасной – он не встретился с балериной. Возможно, она просто не приняла его, а может быть она попросту не находилась в Москве.

Он скончался в 1969 году, в середине февраля. На одной из панихид я познакомился с его дочерью, которая оказалась супругой известного художника Аполлона Кутателадзе. Стояла необычно теплая для февраля погода. Из дома его вынесли несколько художников, я и Гия. Я не думал, что на похороны Кирилла Зданевича придет так мало народа. Из писателей в скорбной процессии шли только Гия и я.

АРЧИЛ СУЛАКАУРИ Послесловие переводчика

■ **Камилла Мариам КОРИНТЭЛИ**

Впервые это имя появляется в университетской газете «Пирвели схиви» («Первый луч») в начале 50-х годов. В литературу он вошел вместе с Мухраном Мачавариани и с одним из экстравагантных представителей грузинского поэтического и переводческого искусства – Тамазом Чхенкели, открыв знаменитое поколение шестидесятников, объединившее поэтов, прозаиков, переводчиков, художников, кинодеятелей. Это была мощная волна позитивных новаторов, полных творческой силы и энергии, копившихся исподволь и хлынувшей мощным потоком.

Становление писателя Арчила Сулакаури формировалось в журнале «Мнатоби» («Светоч»). Главным редактором был один из виднейших грузинских поэтов, маэстро Симон Чиковани. Кроме того, он пестовал ту самую молодежь, которая озарила новым светом 60-е годы минувшего XX века. В здании ЦК Комсомола Грузии была выделена комната, куда приходили молодые писатели и Симон Чиковани преподавал им уроки стихотворного мастерства, проводил беседы и т.п.

Арчил Сулакаури – писатель широкого диапазона. Его перу были подвластны и поэзия, и проза, детскую литературу он

обогастил двумя прелестными сказками – «Приключения Саламуры» и «Волшебное платье». Последняя с успехом шла на сцене театра Ш. Руставели.

Говоря о его поэзии, нельзя не упомянуть хотя бы некоторые его прекрасные стихотворения, например, «Старая крепость», «Дом предка», «Сказанное в Шенахо», «Моя любовь – Тушети», «Слепые нищие», «Осенний мотив», «Мальчик и собака», «Слепые щенки», «Маленькая веточка ореха» и другие.

Первое же его прозаическое произведение – повесть «Волны стремятся к берегу», – было с успехом принято читателем, как и другие его рассказы – «Возвращение Авеля», «Лука», «Габо», а потом и двухтомник «Белая лошадь».

Арчил Сулакаури подарил Грузии много прекрасных произведений, а Грузия его одарила высшей наградой – премией Шота Руставели.

В его творчестве особое место занимают «Тбилисские зарисовки». Это бесценные воспоминания. Одно из них воскрешает образ и судьбу замечательного художника, к сожалению, несправедливо забытого Кирилла Зданевича, талантливого новатора, который стоял в Грузии у истоков кубизма. Но это не все: Кирилл Зданевич – это тот человек, который ценой больших усилий и трудов обнаружил, собрал и безвозмездно передал Грузии около ста живописных полотен около ста живописных полотен Нико Пиросмани. Это большой сыновний дар стране, которую он любил и сыном которой себя считал.

Воспоминание «Кирилл Зданевич» нельзя читать равнодушно, тем паче людям, которые помнят Тбилиси тех времен. Арчил Сулакаури еще раз показал, что он мастер, и что он знает и чувствует о ком и о чем надо писать. Благодаря его перу мрак несправедливого забвения, окутывавший Кирилла Зданевича, разорвался.

Василий Качалов

ТБИЛИССКАЯ ЗИМА 42-ГО ГОДА

■ **Котэ МАХАРАДЗЕ**

В год 80-летия Великой Победы мы открываем рубрику, посвященную знаменательной дате. Предлагаем вниманию читателей отрывок из книги воспоминаний Народного артиста Грузии Котэ Махарадзе «Репортаж без микрофона» – о том, как в суровую военную зиму 1942 года в Тбилиси проходил «настоящий праздник высочайшего искусства», ведь в Грузию из Москвы, Ленинграда, Киева были эвакуированы выдающиеся деятели культуры. Они давали концерты и творческие вечера, играли спектакли, читали лекции... В их числе был и легендарный мхатовец Василий Качалов – в феврале исполняется 150 лет со дня его рождения.

Это была удивительная зима в Тбилиси. Большая группа выдающихся деятелей искусства из Москвы, Ленинграда, Украины была эвакуирована в столицу Грузии. Немирович-Данченко, Качалов, Книппер-Чехова, Рыжова, Тарханов, Массалитинова, балерина Марина Семенова, певцы Гришко, Частий, Кипоренко-Доманский, известные композиторы и пианисты Сергей Прокофьев, Игумнов, Гольденвейзер и многие другие. Приехал к себе на родину и Вахтанг Чабукиани.

...Свыше 400 тысяч своих сынов послала Грузия на защи-

ту родины. Они героически сражались на фронтах войны. Более 200 тысяч из них сложили головы в битвах с фашистами. Это общеизвестно. Возможно, эта цифра не производит впечатления. По сравнению с ужасающими жертвами войны и потерями других народов, конечно же, это – капля в море, но факт и то, что вся Грузия оделась в шинель, и больше некому было идти на смертный бой. Как известно, ни один танк не прорвался на территорию республики, ни один вражеский солдат не ступил на ее землю. Не было уличных боев ни в Тбилиси, ни в

других городах. Воины-грузины бились за Москву, Ленинград, Сталинград, штурмом брали Варшаву, Вену, Будапешт, наконец, дошли до Берлина и водрузили Красное Знамя Победы над Рейхстагом. Сделали это русский воин Егоров и грузин Кантария...

В те тяжелые дни в Тбилиском оперном театре давались спектакли и концерты, о которых мечтал бы каждый и в мирное время.

Настоящий праздник высочайшего искусства! Нет, это ничем не напоминало пир во время чумы. Это было, скорее, проявлением веры в свои силы, убежденности в победном исходе войны. Все отдавая фронту, народ продолжал жить напряженной, но полнокровной жизнью. Ведь нашли в себе силы герои обороны Ленинграда в тяжелые дни блокады грянуть Седьмой симфонией Шостаковича, потрясшей весь мир и врага в первую очередь.

Отрывки из спектаклей Художественного и Малого театров, арии из опер, балетные дивертисменты, замечательные чтения Василия Ивановича Качалова, встречи и беседы Немировича-Данченко, посещение им спектаклей и репетиций в театрах Руставели и Марджанишвили, лекций в театральном институте. Все это наполняло город удивительным ароматом театральных грез. Тбилисцы видели все это, присутствовали на этих удивительных вечерах. Счастье было столь огромно, что порой забывалось: враг ведь в двухстах километрах от города.

Когда слух об эвакуации мхатовцев прошел по Тбилиси, мало кто поверил в это, скорее, было не до этого. Ошеломляющее начало войны подавляло и угнетало. Мы, юноши, свыклись с мыслью, что непобедимая Красная Армия мгновенно разгромит противника – и сделает это, как нас учили, на территории врага. Трудно было поверить в то, что происходило на самом деле: раз за разом проигрывались отдельные битвы, оставлялись десятки городов и сотни сел. Ленинград – в блокаде, фашисты – под Москвой, фронт вплотную приблизился к главному Кавказскому хребту. После полуночи Тбилиси

погружался в кромешную темноту. Мы с трудом находили дома и квартиры друг друга. Если собирались, сидели в темноте. Почти в каждой семье лежали извещения о гибели близких. Место наших постоянных встреч, всегда праздничный и шумный проспект Руставели, который по инерции все называли Головинским проспектом, потерял свою прелесть и праздничность, как-то приуныл, а с наступлением ночи вовсе терял свое лицо, становился холодным и чужим.

Все было необычно. Мы не понимали, почему в срочном порядке отвели большое здание рядом с фуникулером под военный госпиталь, пока не увидели первых раненых в городе. Это были военные моряки. Я впервые увидел воочию человека в тельняшке, притом тяжело раненного. Раньше тельняшка мелькала только на экране и в спектаклях. Несколько раз появились над городом «Мессершмитты». Зенитчики открыли по ним огонь. Мы подбирали осколки снарядов, но делали это как-то весело и задорно, еще не до конца понимая весь ужас происходящего. Война казалась нелепой, происходящей где-то в другой части планеты...

Ребята сразу пронюхали, где разместились мастера искусств,

и мы всей ватагой шли к гостинице «Тбилиси», что напротив нашей школы, рядом с Театром Руставели.

Так было угодно судьбе, что все главные события моей жизни происходили именно здесь, на этом родном, дорогом моему сердцу пятачке. Здесь я десять лет проучился в школе, потом, перейдя наискосок, чуть левее, переметнулся в театральный институт – еще на четыре года, затем всего лишь спустился вниз на три этажа, в Театр Руставели – плюс еще двадцать два года. Прибавьте к ним три года, проведенных опять-таки в первом детском саду, в сумме получится почти сорок лет жизни – с трехлетнего возраста до ранга молодого, но почтенного дедушки. Кто мог подумать, что мне когда-нибудь придется расстаться с этим пятачком, перейти в другой театр и начинать все сначала, почти с нуля. Но это – другая глава моей жизни...

Итак, мы у гостиницы «Тбилиси». Народу – полным-полно. Всем хочется увидеть живьем Немирович-Данченко, Качалова, Книппер-Чехову, Тарханова и других. Немирович-Данченко – это особая статья. То, что он тбилисец, знали все, но не всем было известно, что он воспитанник Первой гимназии. «Наш!» – с гордостью говорили мы. Его фамилия украшала доску у входа в школу с именами выдающихся деятелей – выпускников гимназии и школы. Уточнить, в каком классе, в какой комнате, за какой партой он сидел и учился, так и не удалось. Вот мы и уверяли всех, что это было именно в нашем классе. За неимением опровергающих фактов, остальным приходилось нехотя соглашаться. Но мало кто знал тогда, что Немирович-Данченко родился рядом с моей деревней Натанеби, в селе Шемокмеди Озургетского района, где сейчас открыт Дом-музей. В юношеские годы все это, как мне казалось, возвышало меня над сверстниками. В глубине души я считал себя самым близким человеком высокого гостя.

Вот в дверях гостиницы появляется Владимир Иванович Немирович-Данченко. Было невозможно поверить, что ему 83 года. Подтянутый, весь какой-

то «накрахмаленный». Быстрый шаг, стремительные движения. Тыльной стороной ладони часто поглаживает свою необычайной белизны бороду. Все в нем было необычно, не так, как у всех. Его встретили в дверях несколько человек и куда-то повели. Мы пристроились к сопровождающей его группе. Пересекли проспект, взяли чуть левее и, наконец, вошли... во двор нашей школы. Немировича, Качалова, Книппер-Чехову и других узнавали сразу, и этот короткий отрезок пути был пройден под непрерывные аплодисменты. Но, Боже мой, куда же деваться нам, пропустившим уроки?! Мы уже во дворе школы. Устроились за мощной спиной самого Качалова.

Оказывается, первое, что попросил Немирович-Данченко, – посетить родную школу и найти дом, где он когда-то жил. Желание было удовлетворено лишь частично. Владимир Иванович походил по школе с несколько грустным видом, о чем-то поговорил с окружающими, иногда улыбаясь воспоминаниям. Уходя, он обернулся, еще раз взглянул на школу, глубоко вздохнул и удалился. А дом, где он жил, так и не нашли: его просто снесли по причине реконструкции городских улиц...

В те дни он был приглашен и в театральный институт... Выступал с публичными лекциями в Доме офицеров... Мне запомнились некоторые его мысли, касающиеся актерского ремесла. Профессию актера он ставил во главу угла всего театрального искусства. Теорией «трех секунд» он назвал свою позицию, утверждающую, что все в театре делается ради тех двух-трех секунд актерского взлета, которые покоряют зрителя. Из-за этих нескольких секунд ходит в театр народ. Из-за них существует здание театра, дирекция, оркестр, работают режиссеры, драматурги, художники, технический персонал, администрация. Идеалом театра назвал Немирович-Данченко точную и слаженную работу всех этих звеньев – от автора пьесы до рабочего сцены, сосуществующих ради этих секунд взлета актерского гения. Как это не вяжется с принципами построения театра, проповедываемыми некоторыми современными режиссера-

Владимир Немирович-Данченко

В роли Гамлета

ми, где артист отбрасывается на второй план, где предпочтение отдается тому, кто меньше выделяется своей самобытностью и дарованием, кто покорнее, податливее, задает как можно меньше вопросов.

Каждый шаг Немировича-Данченко, каждое его выступление было в центре внимания театральной общественности, но все с особым интересом ждали его оценок спектаклей грузинских мастеров сцены. Нам было что показать и чем удивить, во всяком случае, так казалось.

Наконец, он побывал в Театре Руставели, затем и в Театре Марджанишвили.

Владимир Иванович несколько раз смотрел руставелевскую постановку «Отелло». Ему очень понравился и спектакль в целом, и особенно Акакий Хорава, о котором он не раз говорил, что это лучший из всех наших Отелло и что это не просто талантливо сыгранная роль, а целое явление в театре.

Настоящее потрясение, иначе не скажешь, я испытывал на творческих вечерах Василия Ивановича Качалова. Кажется даже неправдоподобным, что в течение одного вечера в исполнении этого легендарного еще

при жизни актера мы с друзьями слушали отрывки из «Воскресения» Толстого и «Братьев Карамазовых» Достоевского, монологи шекспировских Гамлета и Ричарда III, стихотворения Маяковского, Есенина, Блока, Мицкевича и многое другое.

Качалов часто и с удовольствием выступал перед большой аудиторией. Ему, привыкшему к насыщенной каждодневной работе в театре, было невысказанно жить в Тбилиси в другом, спокойном ритме. Почти на каждом таком представлении он существенно обновлял свой репертуар. Неизменными оставались лишь монологи Ричарда. Зритель знал об этом и каждый раз с нетерпением ждал их. Объявив номер, спокойный и импозантный Качалов резким движением поворачивался спиной к зрителю, делал паузу и, стремительно развернувшись, начинал монолог. Он не только читал, в привычном понимании концертного исполнения, но и играл сцену с полной отдачей. Правая нога была отставлена чуть назад и становилась какой-то деревянной. Не прилагая вроде никаких внешних усилий, Качалов достигал удивительного перевоплощения – плечистый, статный Илья Муромец на глазах превращался в хромого и кривого уродца.

Постоянно разнообразя сцены и монологи, Качалов в Тбилиси сыграл почти всего Ричарда. Ну а сыграть этот образ в театральной постановке, как мы узнали позже, так и осталось его несбыточной мечтой. Увы, даже у великих не все мечты сбываются. Вроде им все подвластно, все доступно, но актерская мечта – вещь коварная. Она не всегда зависит от желаний и устремлений самого артиста. Тут и репертуарный план – годовой и перспективный, планы, а иногда и капризы режиссеров, отсутствие достойного партнера и всякое другое.

Впоследствии я узнал, что «Ричард III» неоднократно вносился в перспективный план Художественного театра, но дальше дело не пошло. Шекспировский репертуар артиста ограничился «Гамлетом» и «Юлием Цезарем»...

Но вернемся к тбилисской зиме сорок второго, зиме тревоги нашей (ведь шла война) и зиме

свалившегося с неба счастья: мы стали свидетелями незабываемого, неповторимого.

Особо хочется выделить в чтении Качалова лирику. Он чаще читал Блока и Есенина. А мы с моими школьными друзьями с самых юных лет были влюблены в Маяковского. Зачитывались, декламировали, рисовали, устраивали вечера, посвященные великому поэту. Мы гордились, что грузинская земля взрастила могучего русского поэта, что он прекрасно владел грузинским языком и до конца своих дней дружил с грузинскими деятелями искусства и литературы. Нравился нам и Есенин. Общеизвестно, как незаметно, исподволь умеет очаровать, а затем и овладеть твоим существом Сергей Есенин. Так было и с нами. И все же отдельные строки Маяковского казались нам сильнее. На жизнерадостных юных грузин неотразимо действовал звонкий оптимизм Владимира Маяковского. Прозрачная грусть Есенина, его страна «березового ситца» тогда казалась нам далекой, чужой. Нам не хотелось грустить. Поэтому великолепные есенинские строки, скажем:

*Я теперь скупер стал
в желаньях,
Жизнь моя? или ты
приснилась мне?..*

В роли Юлия Цезаря

Василий Качалов и пес Джим

требует прочитать еще и еще. Кто-то должен дрогнуть, уступить. Либо вежливый актер – настойчивости публики, либо благодарный зритель – предельной усталости мастера. В тот вечер компромисс был исключен. Шла упорная «битва» между сценой и залом. Конечно, все это очень приятно любому артисту, но есть же предел возможностей!..

Уступил Качалов. Уступил – и тем самым выиграл. Нет, это вовсе не алогизм. Судите сами: Василий Иванович вышел на авансцену, прямо к рампе. Улыбнулся. Поднял правую руку (зал замер в ожидании) и почти шепотом, необычайно доверительно проговорил: «Сергей Есенин. Собаке Качалова»... В любом другом случае вспыхнули бы аплодисменты. Ведь и без того любимое и известное всем стихотворение

пользовалось большим успехом, а тут сам Качалов читает стихи своего друга-поэта, посвященные его – Качалова – собаке... Артист присел на стул, расстегнул по-домашнему пиджак, зажал руки в коленях и начал. Нет, не нам читал в тот день Василий Иванович стихи Есенина. Он был у себя дома, перед ним сидел любимый Джим. Дрожащими обертонами, на самых «низах» звучал обволакивающий, обволакивающий голос Качалова, и тихо лилась чарующая музыка есенинского слова... Вот так сумел гениальный тец пригласить и поместить огромный заполненный зал Тбилисского оперного театра в свою крошечную уютную московскую квартиру в глубине двора Художественного театра...

Говорят, в музыке главное –

тон. Ведь ноты «Лунной сонаты» Бетховена и «Времен года» Чайковского – одни и те же для всех исполнителей. Они написаны и через тысячу лет будут читаться в том же порядке, ритме, в том же размере. Но вот это «си», а затем «до» или «соль» каждый играет по-своему, в различном тоне. В этом и заключается мастерство и дарование исполнителя. И еще одно. Любой виртуоз не каждый раз играет одинаково. Сегодня эта нота звучит не так, как вчера, и бог весть как будет звучать завтра. Тональность определяет сиюминутное вдохновение. В этом – магия искусства, его неповторимость.

Так вот, в тот день Качалов попал в нужную и неповторимую тональность. Все было потрясающе. Жесты артиста и осанка, тембр голоса и паузы, слова и подтекст.

Всего 25 строк в этом стихотворении, несколько десятков слов, а за ними целый мир поэтических грез и актерских видений. Такое бывает раз в жизни, либо не бывает вообще. И счастлив тот, кто присутствовал при этом, кому так безгранично повезло...

Только выходя из театра, мы уразумели, что очень припозднились.

– Ваши документы?! – «сделав» строгое выражение лица, обратился к нам патрульный, почти наш ровесник. Он наверняка поверил нам, что мы были на вечере Качалова и ни в чем другом не «повинны». Но строгие правила комендантского часа не допускали никаких исключений... Ночь мы провели в отделении милиции. Задержанных было так много, что нас долго размещали – почти до утра, переводя под конвоем из отдела в отдел, из одного района Тбилиси в другой. Кто-то запел, и все подхватили «Уходили комсомольцы на гражданскую войну». Солдаты покрикивали на нас, но песня звучала не прекращаясь, хотя и никак не вязалась с ситуацией...

*Дай, Джим, на счастье
лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем
при луне
На тихую, бесшумную
погоду...*

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Была бы только ночка сегодняя потемней!

Шутливое выражение надежды, что обстоятельства сыграют на руку задуманному рискованному намерению.

Источник: русская городская народная песня «Живет моя красотка» на основе третьей, несколько видоизмененной части стихотворения С.Ф. Рыскина «Бродяга» (1883), в которой говорится о побеге героя из тюрьмы ради встречи с любимой.

*Войду я к милой в терем
И брошусь в ноги к ней.
Была бы только ночка
Сегодняя потемней!*

Были когда-то и мы рысаками

Ироническое сожаление об ушедшей молодости, о былом счастье.

Источник: стихотворение А.Н. Апухтина «Пара гнедых», переложение французского текста, написанного переводчиком, поэтом и композитором-любителем С.И. Донауровым к музыке собственного сочинения.

*Были когда-то и вы рысаками:
Пара гнедых, запряженных
с зарею,
Тощих, голодных и грустных
на вид,
Вечно бредете вы мелкой
рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер
спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И седоков вы имели иных.
Ваша хозяйка состарилась с*

*вами,
Пара гнедых, пара гнедых...*

Было дело под Полтавой

Шутливый намек на некое важное происшествие.

Источник: песня, написанная в середине XIX в. основателем первого профессионального хора русских народных песен Иваном Молчановым на стихотворение поэта Градцева «Три пули», и несколько им переработанное.

*Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра...*

Быстрее, выше, сильнее!

Перевод с латинского: Citius, altius, fortius.

Девиз Олимпийских игр.

Источник: французский священник Анри Дидон, занимавшийся физическим воспитанием католической молодежи, на открытии спортивных соревнований в его колледже, произнес слова «Citius, altius, fortius – communiter» (Быстрее, выше, сильнее – вместе). Выражение очень понравилось его другу, Пьеру де Кубертену, который решил, что именно эти слова отражают цели атлетов всего мира. Начиная с 1894 года, девиз состоял из первых трех слов. 20 июля 2021 года Международный олимпийский комитет в Токио поддержал предложение о дополнении девиза словом «вместе».

Бытие определяет сознание

Ироническое объяснение чьих-либо пристрастий или недостатков.

Источник: предисловие к «Критике политической экономии» Карла Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Быть святее Папы римского

Ироническое определение чрезмерного рвения, фанатичной приверженности установленным порядкам в ущерб здравому смыслу.

Старинная европейская поговорка.

Источник: в 1887 г. «железный канцлер» Отто Бисмарк использовал поговорку в своей речи, перефразировав ее: «Быть большим католиком, чем Папа римский».

Веком ранее во Франции получило популярность и другое схожее выражение: «Быть большим роялистом, чем король».

Быть или не быть – вот в чем вопрос

С английского: To be, or not to be: that is the question.

Иносказательное выражение о судьбоносном моменте, когда надо сделать выбор, или иронический комментарий по поводу чьих-либо колебаний.

Источник: трагедия Уильяма Шекспира «Гамлет», первая строка из монолога Гамлета (действие 3, сцена 1).

КРЕПОСТЬ КВЕШИ
Фото: Бадри ВАДАЧКОРИЯ

ВЕЧЕРНИЙ БАТУМИ
Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ